

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-126-170

Научная статья / Research paper

П.В. Шлыков*

ПОПУЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ТУРЦИИ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье анализируются феномен популизма и его влияние на внешнюю политику Турции в трех измерениях: институциональном, практически-политическом и ценностно-идеологическом. Исследование построено на детальном изучении репрезентативной выборки партийных манифестов и публичных выступлений турецких политиков, в особенности речей Реджепа Эрдогана за период его пребывания на постах премьер-министра и президента. Показано, что укорененность популизма в политической культуре Турции наделила его идеологической гибкостью и сделала почти универсальным инструментом работы с электоратом. После перехода страны к многопартийности популизм оказался присущ большинству политических игроков. В свою очередь Р. Эрдоган не только продолжил, но и развил успех в использовании популистской риторики. Установлено, что содержательно популизм Р. Эрдогана существенно эволюционировал на фоне менявшейся внутренней и внешней конъюнктуры. В 2000-е годы в нем доминировали аморфные идеи консервативной демократии. На рубеже 2000–2010-х годов надежды на евроинтеграцию уступили место «цивилизационному экспансионизму», стержнем которого стал концепт исламской/османской цивилизации. Во второй половине 2010-х годов рельефнее проступили черты ультранационализма. В итоге популистская бинарная оппозиция «мы — они» выкристаллизовалась в модель глобального противостояния Турции, защитницы интересов мусульман, «враждебному» Западу. Такая риторика помогла Р. Эрдогану оправдать свое

* *Шлыков Павел Вячеславович* — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН, участник научного коллектива проекта «Многофакторный анализ “азиатского поворота” в российской внешней политике (достижения, проблемы, перспективы)» МГИМО МИД РФ (e-mail: shlykov@iaas.msu.ru).

почти 20-летнее пребывание у власти и уйти от прямой ответственности за экономические неурядицы 2010-х годов. Популизм стал также инструментом монополизации внешней политики в руках турецкого лидера. Используя негативную риторику в отношении профессиональных дипломатов, за последние 10 лет он замкнул на себя весь внешнеполитический процесс. Как следствие, в институциональном плане экспансия популизма в сферу внешней политики привела к ее «доместикации» и «национализации», а в дискурсивном — выразилась в увлечении цивилизационизмом. Персонализация внутри- и внешнеполитического процессов в Турции привела к появлению феномена «эрдоганизации турецкой политики» — укрепления «персонального авторитаризма» Р. Эрдогана за счет сужения роли и влияния государственных институтов. При этом декларативное стремление Турции занять более независимое и автономное положение в системе международных отношений вылилось в стратегию развития преимущественно двустороннего формата взаимодействия с различными странами. В результате Турция, которая долгое время последовательно выступала за региональное сотрудничество и интеграцию, стала во многих аспектах регионально изолированным государством.

Ключевые слова: политическая культура Турции, популизм, авторитаризм, демократия, внешняя политика Турции, «азиатский поворот», российско-турецкие отношения.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

Для цитирования: Шлыков П.В. Популизм в политической культуре Турции: внешнеполитическое измерение // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 2. С. 126–170. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-126-170

Pavel V. Shlykov

**POPULISM IN THE POLITICAL CULTURE
OF TURKEY:
THE FOREIGN POLICY DIMENSION**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The paper analyses the phenomenon of populism and its impact on Turkish foreign policy in three dimensions: institutional, instrumental and ideological.

The research scrutinizes a wide selection of party manifestos and public speeches of Turkish politicians with primarily focus on Recep Tayyip Erdoğan's statements during his incumbency as the prime-minister and the president. The embeddedness of populism in political culture of Turkey provided it with ideological flexibility and made populism almost a universal instrument for engaging with electorate. Starting from Turkey's transition to multiparty system the majority of political actors have resorted to populism in one or another way. Erdoğan has not only continued this tendency but mastered the populist rhetoric. The character and content of Erdoğan's populism fluctuated following the changing domestic and international environment. In the 2000s it was hinged on the loose concept of conservative democracy. At the turn of the 2000s and 2010s the dreams for the EU membership gave way to ideas of 'civilizational expansionism' which had the concept of Islamic/Ottoman civilization as its core. From the mid-2010s ultra nationalism has come to the forefront of the populist rhetoric. Eventually, the populist binary opposition of 'us' and 'they' took a definite shape of global confrontation between Turkey as a defender of Islam and the 'adverse' West. Populist rhetoric helped Erdoğan to justify his almost two-decades-long incumbency and evade direct responsibility for economic hardships of the 2010s. Populism has become an effective instrument to monopolize the foreign policy in the hands of Erdoğan. Utilizing negative rhetoric against Turkish professional diplomats within the last decade Erdoğan has managed to cement his clout over the foreign-policy making. Institutionally the expansion of populism in the sphere of foreign policy led to its 'domestication' and 'nationalization' while its impact on the foreign policy discourse manifested itself in the spread of civilizationism. Making both domestic and foreign policy process more personalized Erdoğan has reinforced 'personal authoritarianism' at the expense of the state institutions. Thus their decline led to the 'Erdoğanization of the Turkish politics'. The declarative pursuit of Turkey to get more independent and autonomous position in the international system resulted in the strategy of development with primarily focus on the bilateral relations with different states. Consequently Turkey, previously known as a consistent advocate of regional cooperation and integration, in many respects has become a regionally isolated state.

Keywords: political culture of Turkey, populism, authoritarianism, democracy, Turkish foreign policy, pivot to Asia, Turkey-EU, Turkey-US, Russia-Turkey relations.

About the author: *Pavel V. Shlykov* — PhD (History), Associate Professor of the Middle East History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; Senior Research Fellow, Department of Asia and Africa, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Non-Resident Scholar in Research Project 'Multifac-

tor analysis of the 'Turn to the East' in Russian foreign policy (achievements, problems, and prospects)' MGIMO University (e-mail: shlykov@iaas.msu.ru).

Acknowledgments: the research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00142.

For citation: Shlykov P.V. 2021. Populism in the political culture of Turkey: The foreign policy dimension. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 2, pp. 126–170. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-126-170 (In Russ.)

В последние годы понятие «популизм» не только вошло в широкий научный оборот, но и стало частью повседневного лексикона. В немалой степени этому способствовали громкие политические события: неожиданная победа на президентских выборах в США в 2016 г. Дональда Трампа и электоральные успехи других известных популистских лидеров в Европе и за ее пределами: Виктора Орбана в Венгрии, Жаира Болсонару в Бразилии и Реджепа Эрдогана в Турции. Другими символами экспансии популизма стали высокие показатели популярности таких правопопулистских партий, как «Альтернатива для Германии» и французский Национальный фронт.

Становление «популистского духа времени» (populist Zeitgeist) [Mudde, 2004], как обозначил это явление в одноименной работе голландский политолог Кас Мюдде, оказалось сопряжено с характерными элементами авторитарных тенденций, охвативших разные страны мира: персонализацией политического процесса, снижением толерантности к меньшинствам и их правам. Всё это вкупе с общим кризисом ценностей либеральной демократии часто связывают с «экспансией популистских движений». Такую точку зрения можно встретить в опубликованных в конце 2010-х годов фундаментальных работах Такиса Паппаса, Рональда Инглхарта и Пиппы Норрис, совокупно обозначивших эти тренды как феномен «авторитарного популизма» [Norris, Inglehart, 2018; Pappas, 2019].

Токсичность популизма, его возрастающее влияние не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику значительного числа стран заставляют говорить о «популистских трендах» как об одной из главных угроз не только для «либерального миропорядка,

но и международно-политической безопасности в целом»¹. Не все исследователи, однако, согласны с тезисом о центральной роли популизма как катализатора кризиса либеральной демократии, считая исходящие от него угрозы сильно преувеличенными, а само понятие — излишне размытым и поэтому малоприменимым для использования в качестве аналитического инструментария [Herkman, 2017; Weyland, 2020].

Несмотря на широкую дискуссию о причинах и формах популизма, примеров систематического анализа политических последствий его экспансии немного. Распространенная трактовка популизма как категории практически исключительно «внутреннего потребления» заслоняет очевидное влияние популистских идей на внешнюю политику [Boucher, Thies, 2019: 713–714]. Между тем центральная для популизма бинарная оппозиция «элиты vs народ» существенно влияет на внешнеполитический дискурс стран, столкнувшихся с тем, что в условиях глобализации внутренняя и внешняя политика оказались чрезвычайно тесно взаимосвязаны. Этот феномен авторы фундаментального оксфордского издания, посвященного комплексному анализу популизма, назвали «доместикацией внешней политики» [Kaltwasser et al., 2017: 384–405; Verbeek, Zaslove, 2015: 529].

В исследованиях влияния популизма на внешнюю политику можно выделить два доминирующих подхода. Ряд авторов, например Кристина Ланг в своей книге «Европа для европейцев» [Liang, 2007] или Ангелос Криссогелос в монографии «Старые призраки в новых простынях» [Chryssogelos, 2011], придерживаются точки зрения об универсальности модели популистской внешней политики и преобладании в ней набора традиционных популистских концептов-лозунгов: антиамериканизма, борьбы с миграцией и ростом влияния институтов глобального управления. Сторонники противоположного подхода, в частности авторы коллективного труда «Смутяны Европы» [Europe's troublemakers, 2016], делают акцент на примате регионального контекста и национальных идеологий, детерминирующих как характер популизма в отдельно взятой стране, так и его влияние на внешнеполитический курс [Europe's troublemakers, 2016:

¹ Munich security report 2017. Post-truth, post-west, post-order? // Munich Security Conference. 2017. Available at: https://securityconference.org/assets/user_upload/MunichSecurityReport2017.pdf (accessed: 01.06.2021).

50]. При этом большинство, как видно из оксфордского исследования популизма, считают необходимым различать разные типы популизма и, исходя из этого, определять степень и характер их влияния на внешнюю политику [Kaltwasser et al., 2017: 384–405], поскольку часто оно ограничивается стилистикой, не затрагивая содержание [Destradi, Plagemann, 2019].

Наблюдаемый в последние годы заметный рост числа концептуальных научных работ, посвященных популизму и его влиянию на политический процесс, не сделал его менее дискуссионным явлением и не внес ясность в его дефиниции. Среди исследователей нет согласия даже по содержанию понятия «популизм» и его составным элементам [Canovan, 1981; Taguieff, 1995; Taggart, 2000, 2004; Meny, Surel, 2002: 1–21; Mudde, 2004; Abts, Rummens, 2007]. В целом можно говорить о трех главных измерениях популизма: институциональном (популизм как организационная форма), практически-политическом (популизм как политический стиль), ценностно-идеологическом (популизм как идеология) [Jagers, Walgrave, 2007].

Методологически влияние популистской риторики на внешнюю политику можно проследить на нескольких уровнях: дискурсивном (с точки зрения ее воздействия на внешнеполитическое целеполагание), практическом (в плане механизмов реализации внешней политики) и инструментальном (в аспекте ее отражения на механизмах принятия внешнеполитических решений).

Насколько турецкий популизм вписывается в общемировые тренды или, наоборот, выпадает из них? Для исследования популизма и его отражения во внешней политике кейс Турции интересен и продуктивен сразу с нескольких точек зрения: укорененности популизма в политической культуре, масштабов и устойчивости популистской традиции. Со второй половины 2000-х годов Турция утвердилась в роли «хрестоматийного примера» страны, испытывающей экспансию популистских идей [Flyvbjerg, 2001: 80–81]. Более того, персонификация социально-политической трансформации Турции с личностью ее премьера и президента Реджепа Эрдогана породила понятие «эрдоганизм» (по аналогии с кемализмом как идеологией и нормопрактикой радикальных реформ 1920–1930-х годов) в качестве «нормативного воплощения» политики правого популизма. Причем популярность турецкого лидера в мировых СМИ сделала это понятие столь востребованным, что разрастание авторитарных тенденций в разных странах мира даже стали

именовать «эрдоганизацией»². Согласно рейтингу, составляемому международной группой ученых (Team Populism), которые исследуют феномен популизма в полусотне государств, Турция является страной, испытавшей с начала 2000-х годов настоящий бум популистской риторики, а ее бессменный лидер признан одним из самых видных правопопулистских политических деятелей современности, обогнавшим таких известных политиков-популистов, как Виктор Орбан и Дональд Трамп³.

При этом длительность пребывания Р. Эрдогана у власти позволяет выявить константы и переменные в популистской риторике турецкого лидера на фоне стремительно менявшейся в 2000–2010-е годы внутри- и внешнеполитической конъюнктуры [Çinar, 2018; Kaliber A., Kaliber E., 2019]. Это обстоятельство также дает возможность лучше понять характер влияния популистской риторики правящего режима на внешнюю политику Анкары.

Внешнеполитический популизм Р. Эрдогана строится на умелом использовании антизападных настроений значительной части населения, что дает возможность винить во всех бедах страны «недружественные западные силы», которые сдерживают развитие Турции. Исламская составляющая популистской риторики Партии справедливости и развития (ПСР) используется для легитимации социальной политики режима и демонизации оппозиции [Yabancı, Taleski, 2018]. Как доказывается в настоящей статье, для правящей ПСР подобная крайне прагматичная инструментализация популизма стала решением проблемы оправдания своего без малого 20-летнего пребывания у власти и инструментом снятия с себя прямой ответственности за экономические неурядицы, включающие финансовый

² Bauer Y. The Erdoganization of Israel // Haaretz. 04.05.2017. Available at: <https://www.haaretz.com/opinion/.premium-the-erdoganization-of-israel-1.5468227> (accessed: 01.06.2021); Baram U. Israel's shifting towards Erdoganization // Haaretz. 10.04.2018. Available at: <https://www.haaretz.com/opinion/.premium-israel-s-rightward-shift-has-intensified-just-look-at-likud-1.5422415> (accessed: 01.06.2021); Magid J. Thousands gather for mass rally to 'safeguard Israeli democracy' from Netanyahu // The Times of Israel. 25.05.2019. Available at: <https://www.timesofisrael.com/protectors-gather-for-mass-rally-to-safeguard-israeli-democracy-from-netanyahu/> (accessed: 01.06.2021); Khatiri S. The Erdoğanization of Hungary // Quillette. 02.04.2020. Available at: <https://quillette.com/2020/04/02/the-erdoganization-of-hungary/> (accessed: 01.06.2021).

³ McKernan B. From reformer to 'New Sultan': Erdoğan's populist evolution // The Guardian. 11.03.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/11/from-reformer-to-new-sultan-erdogans-populist-evolution> (accessed: 01.06.2021).

кризис второй половины 2010-х годов, невысокие темпы роста экономики и снижение уровня жизни.

Доказательство данного тезиса базируется на анализе традиций популизма в политической культуре Турции, творчески переосмысленных Р. Эрдоганом, механизмов «доместикации» внешней политики, существенно трансформировавших внешнеполитический процесс в Турции за последние десятилетия, и результатов «национализации» внешней политики страны.

Традиции популизма в политической культуре Турции

Отталкиваясь от наиболее известного определения популизма, данного Касом Мюдде, как «идеологии, которая рассматривает общество разделенным на две гомогенные антагонистические группы (истинный народ и коррумпированную элиту) и утверждает примат реализации народной воли» [Mudde, 2004: 543], можно утверждать, что стратегия популистских политиков двуедина. Она заключается, во-первых, в опоре на социальные группы, неудовлетворенные существующими порядками и ощущающие их несправедливость в экономической, политической и культурно-идеологической сферах («антиэлитизм»), а во-вторых, в обещании реализовать исходную идею демократии в установлении народовластия («народоцентризм») [Mudde, 2004: 543]. При этом нужно учитывать, что в разном региональном и страновом контексте популизм может принимать специфические формы, что исключает универсальность этого феномена [Woertz, Soler i Lecha, 2020].

В основе традиции популистской политики Турции лежит специфическая модель межпартийной конкуренции, сформировавшаяся в первые годы перехода к многопартийности в середине 1940-х годов. Уже на первых конкурентных выборах 1946 г. ислам и секуляризация (несмотря на то что в Конституции был закреплен принцип лаицизма) стали центральными темами политического противостояния. Очевидные шаги правящей на тот момент Народно-республиканской партии (НРП) Исмета Инёню навстречу чаяниям общества и серьезные послабления в вопросах ислама не помогли удержаться у власти. Консервативной части населения страны больше импонировала новая правоцентристская Демократическая партия (ДП) Аднана Мендереса и Джелиля Баяра, которая в итоге победила на выборах 1950 г. и на 10 лет стала правящей. В 1950–1960-е годы в Турции фактически не сформировалось заметной исламистской

партии, поэтому происламски настроенные силы, не имея возможности консолидировать сторонников на борьбу с навязанными сверху светскими порядками, вынуждены были поддерживать правоцентристские партии. Тактический союз ДП с исламистскими силами существенно укрепил позиции последних в турецкой политике и подтолкнул власти к пересмотру принципа лаицизма. В годы правления ДП тарикаты, джемааты и разнообразные исламские движения стали важными участниками политической борьбы. Во время выборов в 1960-е годы именно их поддержка обеспечила правоцентристским партиям голоса жителей сельских районов [Eligür, 2010: 51–56]. Так продолжалось вплоть до появления на политическом горизонте Неджеттина Эрбакана и его движения «Милли Гёрюш», положившего начало легальной исламистской политике и создавшего первые исламистские партии Турции — Партию национального порядка (ПНП) и Партию национального спасения (ПНС). Популярность и влияние ПНС были естественным следствием предшествовавших двух десятилетий.

Выборы в Турции традиционно воспринимались как единственная возможность электората конвертировать свои голоса в получение реальных благ от власти, поэтому партии стали, по сути, главным инструментом патронажной политики и создали разветвленную систему патрон-клиентских отношений [Bulut, Yıldırım, 2020: 13–34; Kalausoğlu, 2001]. Сложившаяся практика в свою очередь привела к тому, что городской средний класс — просвещенная и наиболее прогрессивная часть турецкого общества, т.е. опора кемалистского однопартийного режима (именно они в первые десятилетия республики пользовались особым расположением властей) — оказался лишенным своего привилегированного статуса и отчасти вытесненным на обочину общественно-политической жизни [Kalausoğlu, 2001].

Используя категории «центра» и «периферии», можно сказать, что в 1950-е годы «периферия», включившись в систему патрон-клиентских отношений, смогла извлечь реальную выгоду из участия во всеобщих выборах и «материализации» своих голосов. Турецкая демократия в то время, по меткому выражению Эрсина Калайджиоглу, стала походить на «соревнование патронажных сетей» [Kalausoğlu, 2001: 64]. Для сдерживания росшего по экспоненте влияния «периферии» возникла ситуативная коалиция военной и гражданской бюрократии, собирательно именуемой кемалистским истеблишментом, и части турецкого городского среднего класса.

Кемалистскому истеблишменту представлялось неприемлемым стремление режима Баяра—Мендереса использовать парламентское большинство для принятия законов против оппозиции [Данилов, 1985], а государство и его ресурсы — для реализации патронажной политики [Eligür, 2010: 59; Ayata, 1996]. Для вестернизированного среднего класса, воспитанного на кемалистских ценностях, противостояние режиму ДП стало борьбой за сохранение прежнего статуса и образа жизни, ради которых они даже готовы были поддержать возвращение страны к авторитарным формам правления. Парадоксальным образом наиболее просвещенная и прогрессивная часть турецкого общества, условный «центр» занял позицию поддержки авторитарных тенденций, в то время как «периферия» объединилась вокруг популистских партий, жонглировавших демократической риторикой. Таким образом, политика патронажа превратилась в центральный элемент турецкой демократии, которая стала ассоциироваться с популистскими практиками, реализуемыми через систему патрон-клиентских отношений. Как еще в 1970-е годы показал Шериф Мардин в своей работе «Отношения центра и периферии», правящая элита Турции оказалась в антагонистической позиции по отношению к культурно, этнически и религиозно неоднородной «периферии» [Mardin, 1973], представители которой систематически не допускались до критически важных государственных институтов [Kalaycıoğlu, 1994].

Разглядев возможность построения успешной электоральной стратегии на осуждении политики разделения общества, Н. Эрбакан сделал ключевым элементом информационной кампании своих исламистских партий критику негативных последствий кемалистской вестернизации и связей политической элиты страны с «западными империалистами». Религиозно-консервативной части турецкого общества, жителям периферийных районных центров и деревень такая риторика пришлась по душе, что показали выборы 1970-х годов (ПНС стабильно занимала третье или четвертое место по количеству голосов, к тому же имела возможность участвовать в коалиционных правительствах). В 1990-е годы популистская риторика Н. Эрбакана масштабировалась в амбициозную стратегию мобилизации не только традиционно религиозно-консервативного электората, но и более широких слоев турецкого общества. Структурный и институциональный кризис 1990-х годов, выразившийся в повсеместном распространении коррупции, росте безработицы,

деградации ценностных ориентиров и систематическом нарушении законодательства со стороны власти, сформировал благоприятную среду для «мобилизации политического ислама», как отмечала в одноименном фундаментальном исследовании Бану Элигур [Eligür, 2010]. Придуманная Н. Эрбаканом знаменитая популистская формула «справедливого порядка» (*adil düzen*)⁴ адресовалась не только исламистам, но и той части светски настроенного турецкого общества, которая разочаровалась в центристских партиях. Эта формула делила политический спектр на две антагонистические группы: прозападных «имитаторов» (*taklitçiler*) и поборников «справедливого порядка».

Н. Эрбакан верил в потенциал широкого использования популистской риторики и превратил ее в стержневой элемент электоральной стратегии своих партий. В середине 1990-х годов такой подход вполне себя оправдал: эрбакановская Партия благоденствия (ПБ)⁵ сумела обойти на выборах центристские партии за счет опоры на консервативное сельское население и городскую бедноту — социальные группы, которые ощущали свою политическую и экономическую ущемленность еще со времен кемалистских реформ и особенно пострадали в ходе либеральных преобразований Тургута Озала конца 1980-х годов. Потенциальным избирателям импонировали партийные лозунги о «приходе справедливого порядка» (*adil düzen gelecek*) и «справедливом государстве» (*adil devlet*), необходимости «положить конец внешнему управлению» (*dış güdüme son*) и наступлении времени «жить по-человечески» (*insanca yaşamak*)⁶.

Создатели ПСР в 2000-е годы не только продолжили, но и развили успех в использовании популистской риторики. Отказавшись от критики либеральных реформ и рыночной экономики (поскольку правительство ПСР вынуждено было проводить экономическую политику в соответствии с требованиями и рекомендациями Международного валютного фонда для вывода страны из финансового кризиса), функционеры ПСР во главе с Р. Эрдоганом с энтузиазмом

⁴ Erbakan N. Adil Ekonomik Düzen. Ankara: Refah Partisi, 1991. Available at: <http://www.esam.org.tr/pdf/Adil%20D%C3%BCzen/K%C3%BCt%C3%BCphane/1991%20Adil%20Ekonomik%20D%C3%BCzen.pdf> (accessed: 01.06.2021).

⁵ Партия благоденствия (ПБ), созданная в 1983 г., стала наследницей ПНС, распущенной после военного переворота 1980 г.

⁶ Refah Partisi Seçim Beyannamesi. Ankara, 1991; Refah Partisi Seçim Beyannamesi. Ankara, 1995.

продвигали тезис о целенаправленном культурном, экономическом и политическом отчуждении консервативной части турецкого общества в результате секуляризации и других радикальных кемалистских реформ.

Одним из стержневых элементов популистской риторики ПСР стала простая вертикальная дихотомия: с одной стороны, угнетатели в лице кемалистской элиты, с другой — религиозно настроенные массы простых турок, «настоящие сыны нации» (*milletin gerçek evlatları*), по выражению самого Р. Эрдогана, голосом и истинным защитником которых провозгласила себя ПСР⁷. Достаточно агрессивная антикемалистская риторика в 2000-е годы пришлась по вкусу многим: исламистам, курдам, либералам. Вкупе с амбициозной программой реформ в соответствии с Копенгагенскими критериями (вступление Турции в ЕС декларировалось приоритетной задачей) это обеспечило партии Р. Эрдогана внушительную электоральную поддержку и привело ее к власти в 2002 г. Перспектива масштабной демократизации в рамках переговорного процесса с Брюсселем внушала оптимизм многим как в Турции, так и за ее пределами. Появилась надежда решить застарелые политические проблемы: избавиться от опеки военной элиты над гражданским правительством, институциональные механизмы которой в виде Совета национальной безопасности и других органов были зафиксированы в Конституции с 1960-х годов; выработать политическое решение проблемы этнических и конфессиональных меньшинств; сдвинуть с мертвой точки вопрос соблюдения прав человека (за масштабные нарушения в этой сфере в 1981 г. даже было приостановлено членство Турции в Совете Европы) и др.

Кемалистская элита, однако, с приходом к власти ПСР не собиралась сдавать свои позиции без боя и в конце 2000-х годов предприняла целую серию «наступательных операций»: многомиллионные митинги противников избрания кандидата от ПСР в президенты весной 2007 г. и инициированный по этому поводу «интернет-меморандум» на сайте Генштаба с недвусмысленными угрозами военного переворота, запуск дела о роспуске ПСР в Конституционном суде (2008). Всё это не смогло существенно пошатнуть позиции и влияние

⁷ Asil ‘Durdurulamaz’ dedikleri Türkiye // TRT Haber. 06.06.2015. Available at: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/asil-durdurulamaz-dedikleri-turkiye-188634.html> (accessed: 01.06.2021).

ПСР, которая на все нападки дала жесткий ответ в форме многочисленных судебных дел о подготовке госпереворота и подрывной деятельности с сотнями подозреваемых и арестованных отставных и действующих высших офицеров, общественных и политических деятелей (дела «Эргенекон» в 2008 г., «Кувалда» в 2010 г.). Громкие судебные процессы, сопровождавшиеся массивной атакой в СМИ на армию и кемалистский истеблишмент, фактически привели к утрате армией и военной элитой былой политической субъектности. Логически черту под этим процессом подвел конституционный референдум 2010 г., в результате которого армия лишилась правовой автономии, а кемалистский истеблишмент перестал доминировать в судебном корпусе [Taş, 2015].

Однако, вытеснив кемалистов на обочину турецкой политики и лишив военную элиту политической субъектности, режим Р. Эрдогана оказался не готов к реализации на практике своего обещания «вернуть страну в руки настоящих сынов отечества» и не пошел на установление «реальных демократических порядков». С одной стороны, рекордный уровень электоральной поддержки создавал у Р. Эрдогана ощущение полного карт-бланша (вплоть до середины 2010-х годов ПСР с каждым новым выборным циклом лишь наращивала показатели — от 34,5% в 2002 г. до без малого 50% в 2011 и 2015 гг.). С другой стороны, в условиях фактического поражения и даже капитуляции «принципиального антагониста» в лице кемалистской элиты ПСР утрачивала значительную долю смысла своего существования, а стратегия борьбы за правду и справедливость против тех, кто создал несправедливый порядок, теряла актуальность. На протяжении всех 2000-х годов антикемалистская риторика парадоксальным образом давала возможность режиму Р. Эрдогана, даже находясь у власти, позиционировать себя в качестве «жертвы кемалистского режима». И такой образ привлекал избирателя. Не пойдя на коренную ревизию политической стратегии, Р. Эрдоган просто скорректировал направление негативной риторики: теперь заклятыми врагами объявлялись любые оппозиционно настроенные силы, которые стали преследоваться всеми доступными способами.

Масштабные массовые протесты летом 2013 г., начавшиеся в форме выступлений «защитников парка Гези» в центре Стамбула и затем охватившие практически всю страну, пришлось как нельзя кстати. Они позволили скорректировать и обновить популистский дискурс ПРС. В официальной трактовке турецких властей, озвученной лично

Р. Эрдоганом, мирный гражданский протест был представлен как попытка свергнуть законно избранное правительство, а сами протестующие — как агенты иностранных спецслужб и проводники интересов враждебных внешних сил. События в Египте, где широкие протесты недовольных властями масс в конечном счете привели к военному перевороту и свержению избранного президента Мухаммеда Мурси летом 2013 г., использовались проправительственными СМИ и функционерами ПСР как дополнительный аргумент в пользу официальной трактовки целей протестующих как антигосударственных и заговорщических⁸. В итоге популистский дискурс ПСР обрел новый объект для негативной риторики: место поверженных кемалистов заняли Запад и все, кто выступал проводником «западного империализма». Все враждебные Турции силы и явления были объединены понятием-концепцией «закулисного злодея-кукловода», «враждебного сверхума» (*üst akıl*), направленного на сдерживание Турции и нивелирование успехов ее социально-экономического и политического развития [Taş, 2020]. С середины 2010-х годов концепт «враждебного сверхума» стал основой всех конспирологических теорий в стране [Karaosmanoğlu, 2021].

После летних протестов 2013 г. все, кто организованно выступал против действующего режима, автоматически объявлялись агентами Запада, главная цель которых — дестабилизировать обстановку и захватить власть в стране. Попытка государственного переворота летом 2016 г., в организации которого Анкара обвинила проживающего в США Фетхуллага Гюлена, а в негласной поддержке — все ведущие государства Запада, способствовала существенному обострению антизападной риторики. Отталкиваясь от идеи внешнего вмешательства, власти заговорили о второй «Воине за освобождение» (по аналогии с борьбой против греческой интервенции в 1919–1922 гг. и попыток стран Антанты расчленить территорию Турции после Первой мировой), которая требует от всех граждан

⁸ Всё это прекрасно отражено в опубликованном оппозиционными СМИ 657-страничном обвинительном акте против лидеров протеста 2013 г.: Gezi İddianamesi. 2019. Available at: <http://www.kontrgerilla.com/raporlar/Gezi-Parki-Osman-Kavala-iddianamesi-29-02-2019.pdf> (accessed: 01.06.2021); İşte 16 ay sonra hazırlanan Gezi Parkı-Kavala iddianamesinin tam metni // T24 Bağımsız İnternet Gazetesi. 04.03.2019. Available at: <https://t24.com.tr/foto-haber/iste-16-ay-sonra-hazirlanan-gezi-parki-kavala-iddianamesinin-tam-metni,7346/120> (accessed: 01.06.2021).

объединиться вокруг национального лидера, способного повести к победе над внешним противником.

Содержание популизма Эрдогана и «доместикация» внешней политики

Внимательный анализ популистской риторики Р. Эрдогана позволяет высветить ее мозаичность и содержательную неоднородность. За почти два десятилетия пребывания во власти она приобрела, по меткому выражению турецкого писателя и публициста Кая Генча, «множественный характер» [Genc, 2019; Hintz, 2016], вобрав в себя элементы сразу нескольких идеологий: консерватизма, исламизма и национализма.

В 2000-е годы на внутривнутриполитическом уровне Р. Эрдоган проповедовал идею консервативной демократии, в основе которой лежала модель европейских христианско-демократических партий. На практике это выражалось в сохранении приверженности курсу на европеизацию, конечной целью которого провозглашалось вступление Турции в ЕС (в начале 2000-х годов правительство осуществило масштабные преобразования, чтобы обеспечить соответствие Турции Копенгагенским критериям). Либеральные реформы, осуществленные в тот период и включавшие пересмотр модели военно-гражданских отношений и сужение возможностей для военной элиты влиять на политический процесс, в конечном счете позволили Р. Эрдогану существенно ослабить своих основных конкурентов и вытеснить кемалистскую элиту из политики.

Однако уже к концу 2000-х годов стратегия «либерального интернационализма» с ее идеями евроинтеграции и кооперации с Западом уступила место «цивилизационному экспансионизму», в рамках которого стержнем внутренней и внешней политики выступила исламская идентичность⁹. Турция стала позиционировать себя в качестве независимого игрока мировой политики, «глобальной державы», требующей соответствующего к себе отношения со стороны Запада, — в этом как раз состоял ключевой тезис «доктрины Ахмета Давутоглу», тогдашнего министра иностранных дел. Логическим продолжением такого подхода стал процесс девестернизации и

⁹ Balta E. The AKP's foreign policy as populist governance // Middle East Research and Information Project. No. 288. 2018. Available at: <https://merip.org/2018/12/the-akps-foreign-policy-as-populist-governance/> (accessed: 01.06.2021).

деевропеизации в 2010-х годах, наиболее явственным выражением которого была резкая критика Запада и европейских институтов на фоне полного разочарования в диалоге с Брюсселем и отсутствия перспективы добиться членства в ЕС в обозримой перспективе.

Вторая половина 2010-х годов ознаменовала новый виток идеологической трансформации риторики Р. Эрдогана, который к устоявшемуся набору религиозно-консервативных и цивилизационистских концептов всё больше стал добавлять ноты национализма. Пошатнувшийся уровень поддержки (на летних парламентских выборах 2015 г. показатели ПСР просели почти на 10% — до 40,8%, что вынудило Р. Эрдогана режиссировать экстрадосрочные выборы в ноябре того же года, по результатам которых ПСР удалось вернуть себе 49,5%) подтолкнул турецкого лидера к формированию нового политического альянса, включавшего ультраправые силы и националистов. Это отразилось на партийной риторике и подходах к внешней политике, которые обрели знакомые черты ультранационалистического дискурса — негативное отношение к Европе и США как заклятым врагам, основная цель которых — сдерживание Турции. Соответственно в популистской бинарной оппозиции «мы — они» место поверженной кемалистской элиты, противостоящей «истинным сынам нации» и народу, заняли Запад и внешние силы («глобальная политическая элита»), плетущие заговоры против Турции для ее сдерживания, ослабления и уничтожения.

Формирование сложной и мозаичной популистской риторики Р. Эрдогана привело к институциональной дезагрегации внешнеполитического процесса и высокой степени его центрирования вокруг личности президента. Необходимо отметить, что для понимания и анализа влияния популизма на формирование и реализацию внешней политики важны две фундаментальные характеристики. Во-первых, стремление политиков-популистов позиционировать себя проводниками интересов и чаяний народа, таким прямым воплощением «народной воли» (неслучайно для популистских режимов характерны мажоритаризм и «сакрализация избирательных урн» [Sözen, 2019]). Во-вторых, систематическое нивелирование сдержек и противовесов, ограничивающих инициативу исполнительной ветви власти (это выражается в показательном пренебрежении к демократическим институтам и процедурам, которые, по логике популистской политики, выступают ненужными посредниками и лишь затрудняют реализацию «народной воли»).

Для внешней политики такой антиинституциональный подход имеет ряд важных последствий. Она становится чрезвычайно персонализированной, замкнутой исключительно на воле и настроении главы исполнительной власти (отчасти это согласуется с характерным для политиков-популистов стремлением сконцентрировать в своих руках как можно больше властных полномочий). Как следствие, устоявшиеся процедуры выработки международной повестки дня и определения внешнеполитических приоритетов фактически перестают работать и даже блокируются [Destradi, Plagemann, 2019: 725–728]. Происходит «доместикация» внешней политики, внешнеполитические решения становятся заложниками внутриполитической ситуации и используются в качестве инструмента мобилизации электората. В институциональном плане это выражается в снижении влияния корпуса профессиональных дипломатов и перемещении центра выработки внешнеполитических решений из Министерства иностранных дел и профильных ведомств непосредственно в администрацию президента. На эмоциональном уровне антиинституционализм выражается в форме негативной риторики по отношению к собственным дипломатам, которые оказываются фактически причисленными к «корруптированной элите», противостоящей «народу».

Само Министерство иностранных дел Турции, исторически стоявшее особняком в структуре органов власти из-за замкнутой кадровой политики (ведомство всегда состояло в основном из карьерных дипломатов) и опоры на давние, еще дореспубликанские традиции, стало мишенью критики Р. Эрдогана и объектом структурных преобразований, нацеленных на минимизацию его влияния.

С избранием Р. Эрдогана на пост президента Турции в 2014 г. все важные внешнеполитические решения стали выработываться и формулироваться узким кругом его советников. Монополизация внешней политики президентом привела к тому, что на смену стратегии поиска консенсуса и выработки компромиссов на дипломатическом уровне пришел ситуативный подход в принятии решений, ориентированный во многом лишь на текущую конъюнктуру, а приоритетными механизмами реализации внешней политики стали «ручное управление» и двусторонние контакты на высшем уровне. В обход ранее устоявшейся процедуры, координируемой Советом национальной безопасности Турции, Р. Эрдоган предпочел лично вести диалог с главами других государств практически по всем

вопросам (в годы президентства Д. Трампа турецкий лидер мог по несколько раз в неделю проводить телефонные переговоры со своим американским визави)¹⁰.

В отношении карьерных дипломатов старой школы Р. Эрдоган ввел в оборот понятие “monşer”, которое из нейтрально-вежливого французского обращения “mon cher” («мой дорогой») в современном турецком превратилось фактически в бранное выражение, обозначающее высокомерного бюрократа, возделенно смотрящего в сторону Запада и утратившего реальную связь с народом¹¹. На одном из предвыборных митингов накануне своего избрания президентом Р. Эрдоган открыто обвинил турецких дипломатов в полном отрыве от народа, служителем интересов которого они, как и сам Р. Эрдоган, должны быть¹².

В середине 2010-х годов существенным изменениям подверглась не только кадровая политика МИДа. На ключевые посты в ведомстве и руководящие позиции в дипмиссиях стали назначаться люди без опыта дипломатической работы. Более того, были урезаны и операционные возможности министерства. В 2010-е годы Р. Эрдоган инициировал создание сразу нескольких ведомств, которые функционально стали дублировать МИД и вторгаться в сферу его непосредственной ответственности: Совет по координации общественной дипломатии (Kamu Diplomasisi Koordinasyon Kurulu), Управление по делам соотечественников и проживающих за рубежом турок (Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı), фонд «Просвещение» (Marif Vakfı). Все новые структуры вводились в прямое подчинение президенту. В 2010-е годы сложилась парадоксальная ситуация, когда в вопросах внешней политики Национальная разведывательная

¹⁰ Bernstein C. From pandering to Putin to abusing allies and ignoring his own advisers, Trump’s phone calls alarm US officials // CNN. 30.06.2020. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/06/29/politics/trump-phone-calls-national-security-concerns/index.html> (accessed: 01.06.2021).

¹¹ Erdoğan: Monşer geldiler, monşer gidiyorlar // Milliyet. 13.02.2009. Available at: <https://www.milliyet.com.tr/siyaset/erdogan-monser-geldiler-monser-gidiyorlar-1059445> (accessed: 01.06.2021); Monşerlerden Erdoğan’a yanıt // Hürriyet. 18.06.2010. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/monserlerden-erdogana-yanit-15063889> (accessed: 01.06.2021); CHP’li Loğoğlu’ndan Erdoğan’a Monşer yanıtı // Cumhuriyet. 07.07.2014. Available at: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/chpli-logoglundan-erdogana-monser-yaniti-91319> (accessed: 01.06.2021).

¹² Erdoğan: Bunlar monşer // Sozcü. 06.07.2014. Available at: <https://www.sozcu.com.tr/2014/genel/erdogan-bunlar-monser-550060/> (accessed: 01.06.2021).

организация и ее глава Хакан Фидан стали играть первую скрипку, а МИД вместе с профильными ведомствами оказался на вторых ролях. При этом окончательно внешнеполитический курс страны формулировался узким кругом советников президента Р. Эрдогана, подобранных не столько по профессиональным критериям, сколько исходя из личной преданности главе государства¹³.

Параллельно расширялись полномочия созданных ранее структур, задействованных во внешнеполитической деятельности, таких как Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı, TİKA) и Управление по делам религии (Diyanet İşleri Başkanlığı, Diyanet) [Sevin, 2017]. В результате у Р. Эрдогана как президента появились возможность прямого «ручного управления» внешней политикой и механизмы детального контроля любой внешнеполитической деятельности. Дискурсивно Р. Эрдоган стал центром определения характера тех или иных внешнеполитических процессов.

Степень персонализации внешней политики с конца 2000-х годов возрастала по экспоненте. Желание брать внешнеполитическую инициативу в свои руки, символом чего стал знаменитый демарш Р. Эрдогана на Давосском форуме 2009 г. (бросив в лицо израильскому премьеру Шимону Пересу обвинения в незаконной оккупации Газы, турецкий лидер тогда демонстративно покинул саммит), привело к тому, что Р. Эрдоган лично стал заниматься практически всеми острыми внешнеполитическими вопросами, минуя устоявшиеся дипломатические процедуры и протоколы. Иногда такое вмешательство помогало сдвинуть процесс с мертвой точки, но чаще лишь усложняло ситуацию.

Растущая степень персонализации внутри- и внешнеполитического процесса в Турции позволяет говорить о феномене «эрдоганизации турецкой политики» — становлении в стране режима, в рамках которого «персональный авторитаризм» Р. Эрдогана укрепляется за счет сужения роли и влияния государственных институтов [Selçuk et al., 2019: 543–544]. Естественным ингибитором этого процесса в 2000-е годы выступала военная элита, сохранявшая возможности «опекать» гражданское правительство. Уже в 2010-е годы фактически

¹³ Neset S., Aydın M., Bilgin H., Gürçan M., Strand A. Turkish foreign policy: Structures and decision-making processes. Chr. Michelsen Institute (CMI Report R 2019: 3). Available at: <https://www.cmi.no/publications/6854-turkish-foreign-policy-structures-and-decision-making-processes> (accessed: 01.06.2021).

не осталось сдерживающих авторитаризм факторов: с успешным завершением масштабной кампании по дискредитации политической активности армии военная элита окончательно лишилась политической субъектности, активность гражданского общества оказалась скованной новым законодательством, принятым по следам массовых протестов 2013 г.

Конституционная реформа 2017 г. и досрочные выборы 2018 г. подвели черту под процессом кодификации и институционализации авторитарного режима, зафиксировав переход Турции к суперпрезидентской политической системе, в которой де-факто отсутствует система сдержек и противовесов, колоссальные полномочия президента, имеющего возможность управлять страной путем декретов, ничем не сбалансированы, а роль парламента сведена к механическому утверждению нужных законов и решений [Yılmaz, 2020]. В рамках новой структуры госаппарата и органов власти [Turan, 2018] при президенте создан специальный совещательный орган – Совет по вопросам безопасности и внешней политики (Cumhurbaşkanlığı Güvenlik ve Dış Politikalar Kurulu)¹⁴.

Такое обилие разнообразных структур, задействованных в реализации внешней политики, стало резко контрастировать с отсутствием четко прописанных и закрепленных законодательно процедур выработки внешнеполитического курса, что определяет во многом ситуативный характер внешней политики Турции и высокую степень ее персонализации. На уровне риторики последняя выразилась во внедрении идеи о неразрывной связи светлого будущего Турции с пребыванием Р. Эрдогана на посту главы государства («уйдет Эрдоган — наступит коллапс», «не будет Эрдогана — рухнет Турция»)¹⁵.

Феномен «национализации» внешней политики и формы его проявления в Турции

Одно из важных следствий экспансии популистских идей в сфере внешней политики — процесс, который условно можно назвать ее «национализацией», выражающийся в доминировании стратегии

¹⁴ Cumhurbaşkanlığı sistemi nedir? Yeni sistem neler getiriyor? // Sabah. 09.07.2018. Available at: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2018/07/09/cumhurbaskanligi-sistemi-nedir-yeni-sistem-neler-getiriyor> (accessed: 01.06.2021).

¹⁵ Erdoğan: ‘Erdoğan gitsin’ demek ‘vatanımızın, devletimizin tek olması anlayışı yıkılsın’ demektir // Sözcü. 16.03.2016. Available at: <https://www.sozcu.com.tr/2016/gundem/erdogandan-tarihi-aciklama-1139642/> (accessed: 01.06.2021).

унилатерализма и примате двусторонних форматов. В логике современного политического популизма отдельное государство как часть системы международных отношений оказалось сковано, с одной стороны, международными нормами и обязательствами, с другой — деятельностью международных организаций и структур глобального управления. Всё это неизбежно нивелировало его внешнеполитическую субъектность, поэтому в качестве своей приоритетной задачи политики-популисты стали постулировать возвращение своей стране полноценного внешнеполитического суверенитета.

На примере ряда стран ЕС хорошо видно, какие формы может принимать процесс «национализации» внешней политики — от саботирования коллективных органов управления до декларации намерений полного выхода из ЕС, как это произошло в случае с Великобританией [Kaliber A., Kaliber E., 2019]. «Национализация» внешней политики не означает полной изоляции или тотального протекционизма. Международные институты оказываются под ударом лишь тогда, когда они воспринимаются как угроза «народному суверенитету» [Destradi, Plagemann, 2019: 711–712].

В Турции в 2000-е годы, с одной стороны, декларировалась важность международных организаций, при этом приоритетной задачей считалось обеспечение автономии внешнеполитического курса и его независимости, особенно в вопросах национальных интересов. Придя к власти в 2002 г., правительство ПСР приняло эстафету у коалиционных кабинетов конца 1990-х годов в реализации масштабной программы либеральных реформ, нацеленных на скорейшее вступление страны в ЕС (ПСР помимо прочего это помогало решить проблему политического влияния военной элиты — главной на тот момент экзистенциальной угрозы новому режиму). В тот период Турция стремилась повысить степень своей международно-политической интеграции, выражением чего стало вступление в G20 в 2003 г. Однако это не мешало Анкаре использовать все доступные возможности для наращивания своей внешнеполитической автономии, которая трактовалась как комбинация повышения национального престижа и укрепления позиций в вопросах мировой политики.

Энергичная внешнеполитическая позиция на тот момент никак не противопоставлялась перспективе членства в ЕС. Это хорошо видно на примере реализации курса по нормализации отношений с соседними странами как одного из внешнеполитических приоритетов первой половины 2000-х годов. Турция тогда заключила

целый ряд двусторонних соглашений с Сирией, Ираном, Ираком и другими странами региона. Результатом диверсификации внешнеэкономических связей стал кратный рост объема торговли не только с государствами Балканского полуострова, Ближнего и Среднего Востока — традиционным геополитическим ареалом Турции, но также с Африкой и Латинской Америкой, ранее находившимися за горизонтом турецкой политики. За пять с небольшим лет Анкара почти в четыре раза нарастила объемы внешней торговли (с 36 млрд долл. в 2002 г. до 132 млрд долл. в 2008 г.) [Kösebalaban, 2011: 148–149]. Расширяя географию политических и экономических связей, Турция рассчитывала, что это повысит ее вес в переговорном процессе с Брюсселем [Yalçın, 2012: 210–211]. Однако эффект оказался двойственным: стремление Анкары играть более самостоятельную роль на региональном уровне стало рассматриваться многими как отказ от традиционной прозападной ориентации и даже своеобразный «поворот на Восток».

С назначением на пост главы МИД Ахмета Давутоглу весной 2009 г. магистральной задачей внешней политики стало утверждение Турции в качестве государства с глобальной внешнеполитической повесткой, «центральной державы», если следовать формуле самого А. Давутоглу, который был убежден, что страна уже переросла привычную роль периферийного игрока мировой политики. В своей концепции «стратегической глубины» А. Давутоглу фактически переворачивал с ног на голову привычную формулу Турции как «моста между Востоком и Западом», т.е. пассивного связующего звена между цивилизациями. А. Давутоглу выдвинул тезис о культурной, исторической и географической «центральности» Турции, которая должна выступать одновременно и «центральной страной» (*merkez ülke*), и державой, «определяющей региональный порядок в макрорегионе Афро-Евразии» [Davutoğlu, 2001: 98–99]. Важной чертой новой внешнеполитической линии стал акцент на исламской идентичности, ярко проявившийся в деградации отношений с Израилем (от пикирования на Давосском форуме между Р. Эрдоганом и Ш. Пересом в 2009 г. до эпизода с «Флотилией свободы» и разрыва дипотношений в 2010 г.) и открытой поддержке «Братьев мусульман» после событий «арабской весны».

В 2010-е годы на фоне углублявшегося кризиса в отношениях с Западом, вызванного растущим взаимным непониманием и разочарованием (особенно после общенациональных протестов 2013 г. и

путча 2016 г.), определяющим трендом во внешней политике стало стремление к максимальной внешнеполитической автономии. Примат «суверенизации» фактически трансформировал все внешнеполитические цели Анкары. Курс, который можно было бы назвать тотальной девестернизацией, привел к изоляции Турции, что в 2010-е годы стало рассматриваться как «драгоценное одиночество» (*değerli yalnızlık*), согласно формуле влиятельного функционера ПСР, советника Р. Эрдогана по внешней политике, а затем его бессменного пресс-секретаря Ибрагима Калына¹⁶.

Антизападная риторика Р. Эрдогана в 2010-е годы сблизила его с турецкими евразийцами, которые всегда считали отношения с Западом бесперспективными и ратовали за союз с Россией и Китаем, поскольку, с их точки зрения, именно в этом направлении — главные интересы Турции [Шлыков, 2017]. Так, по мнению видного представителя современного турецкого евразийства Эрола Манисалы, хотя «Турция всегда проводила политику в соответствии с интересами США, Израиля и ЕС, взваливая на себя бремя поддержки их региональной политики, ее стратегические интересы — быть с Россией, Китаем и Ираном <...> таков императив трансформации современного миропорядка»¹⁷. Другой теоретик турецкого евразийства, лидер «Партии Родина» (в прошлом — Рабочей партии Турции) Догу Перинчек, уверен, что Турция должна «дружить с Китаем и Россией, чтобы избавиться от США», поскольку ее «судьба быть на передовой формирующейся Евразийской цивилизации <...> в Евроатлантическом мире Турции уготовлена роль покорного слуги, а в Евразии она — равноправный партнер»¹⁸. Влияние нового тактиче-

¹⁶ Dış Politikada ‘değerli yalnızlık’ dönemi // *Hürriyet*. 21.08.2013. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/dis-politikada-degerli-yalnizlik-donemi-24553602> (accessed: 01.06.2021); Gardner D. Turkey’s foreign policy of ‘precious loneliness’ // *Financial Times*. 16.11.2015. Available at: <https://www.ft.com/content/69662b36-7752-11e5-a95a-27d368e1ddf7> (accessed: 01.06.2021); Yetkin M. The end of Turkey’s ‘precious loneliness’? // *Hürriyet Daily News*. 18.06.2016. Available at: <https://www.hurriyetdailynews.com/opinion/murat-yetkin/the-end-of-turkeys-precious-100622> (accessed: 01.06.2021).

¹⁷ Manisalı E. Rusya, İran ve Türkiye’nin Önemi // *Cumhuriyet*. 10.09.2012. Available at: http://www.cumhuriyet.com.tr/koseyazisi/369518/Rusya__iran_ve_Turkiye__8217__nin_Onemi__.html (accessed: 01.06.2021).

¹⁸ Perinçek D. Kürşat, Pekos Bill’in at uşağı olur mu? // *Aydınlık*. 20.10.2012. Available at: <https://www.aydinlik.com.tr/arsiv/kursat-pekos-billin-at-usagi-olur-mu> (accessed: 01.06.2021).

ского союза впервые проявилось в начале 2013 г., когда Р. Эрдоган заявил журналистам, что обсуждал с российским президентом Владимиром Путиным перспективу отказа Турции от вступления в ЕС взамен на полноправное членство в Шанхайской организации сотрудничества¹⁹. Другим очевидным следствием идеологического союза с евразийцами стала новая доктрина региональной политики «Голубое Отечество» (*Mavi Vatan*), вобравшая в себя идеи, высказанные в одноименной книге отставного адмирала Джема Гюрдениза²⁰. В 2019 г. самые масштабные в истории страны военно-морские учения в акватории одновременно Черного, Эгейского и Средиземного морей получили кодовое название «Голубое Отечество»²¹. Р. Эрдоган лично презентовал доктрину, сфотографировавшись на фоне карты, где в цвета «Голубого Отечества» были окрашены 462 тыс. кв. км омывающих территорию Турции морей²².

В целом внешняя политика Анкары в 2010-е годы стала в меньшей степени ценностно и идеологически ориентированной и в большей части ситуативной, нацеленной на практическую целесообразность и текущие интересы, что сделало внешнеполитический курс страны достаточно нестабильным и малопредсказуемым²³. В первую очередь это отразилось на отношениях Турции с ЕС и США. После путча 2016 г. Анкара активно начала прибегать к практике взятия «политических заложников» из числа граждан западных стран (пастор Эндрю Бренсон, экс-сотрудник НАСА ученый Серкан Гельге, журналист немецкой газеты *Die Welt* Дениз Юджель, французский репортер Оливье Бертран и др.) [Erdemir, Edelman, 2018] для использования их в качестве инструмента давления и предмета дипломати-

¹⁹ ‘Şangay Beşlisi’ne alın AB’yi unutalım’ // *Hürriyet*. 26.01.2013. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/sangay-beslisine-alin-abyi-unutalım-22448548> (accessed: 01.06.2021).

²⁰ Gürdeniz C. *Mavi Vatan Yazıları*. İstanbul: Kirmizi Kedi, 2018.

²¹ Cumhuriyet tarihinin en büyük deniz tatbikatı başladı // *Hürriyet*. 27.02.2019. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/cumhuriyet-tarihinin-en-buyuk-deniz-tatbikati-basladi-41131154> (accessed: 01.06.2021).

²² Cumhurbaşkanı Erdoğan’ın fotoğrafı Yunanistan’ı kızdırdı // *Sözcü*. 03.09.2019. Available at: <https://www.sozcu.com.tr/2019/dunya/son-dakika-cumhurbaskani-erdoganin-fotografı-yunanistani-kizdirdi-5312542/> (accessed: 01.06.2021).

²³ Dalacoura K. A new phase in Turkish foreign policy: Expediency and AKP survival // *MENARA Papers*. 2017. Available at: https://www.cidob.org/en/content/download/66206/2023786/version/3/file/MENARA_Future%20notes%204_17.pdf (accessed: 01.06.2021).

ческого торгова. Всё это низвело отношения Турции с коллективным Западом практически до уровня операционных, содержание которых формируется конкретными проектами и соглашениями, а характер определяется исключительно текущей конъюнктурой. Для того чтобы сбалансировать охлаждение в отношениях с западными союзниками, Турция активнее стала налаживать сотрудничество с Россией и Китаем как залог укрепления внешнеполитической автономии, однако на практике это скорее привело к ситуации двойной зависимости [Шлыков, 2020].

Во внешнеполитическом популизме Турции отчетливо прослеживается еще одна черта — цивилизационизм, который можно считать неотъемлемым компонентом современного правого популизма. Если у западных политиков-популистов это чаще всего выражается в продвижении тезиса о цивилизационной угрозе и «столкновении цивилизаций», где само понятие цивилизации трансформируется в «воображенное сообщество» и «систему ценностей» [Brubaker, 2017; Bettiza, 2014: 3–4], то в популистской риторике ПСР цивилизационизм изначально принял форму оппозиции вестернизированной элиты и людей традиционных взглядов [Kaşa et al., 2020]. В начале 2000-х годов, когда полным ходом шел переговорный процесс между Анкарой и Брюсселем, во внешнеполитической риторике ПСР звучали идеи инклюзивности. Однако и в Брюсселе, и в Анкаре Турция всегда позиционировалась как страна «другой цивилизации», соответственно и потенциальное членство ее в ЕС должно было стать символом примирения Востока и Запада, преодоления конфликта цивилизаций [Çınar, 2018: 183–184]. В этом же ключе рассматривалась и «турецкая модель» как воодушевляющий пример страны, гармонично сочетающей институты либеральной демократии и приверженность исламским ценностям [Shlykov, 2018], что должно было стать естественным противоядием экспансии концепции столкновения цивилизаций, множущей число своих приверженцев после событий 11 сентября. Наиболее ярким практическим проявлением цивилизационизма ПСР стали совместная инициатива Турции и Испании по созданию под эгидой ООН Альянса цивилизаций в 2005 г.²⁴ и проведенный в 2002 г. в Стамбуле первый совместный

²⁴ Context and Bases for the Establishment of UN Alliance of Civilizations (UNAOC). Available at: <https://www.unaoc.org/who-we-are/history/> (accessed: 01.06.2021).

форум Евросоюза и Организации исламской конференции «Цивилизация и гармония»²⁵.

Однако к 2010-м годам цивилизационный компонент в риторике ПСР, который изначально предполагал возможность сопряжения западных ценностей и незападной цивилизационной идентичности Турции, эволюционировал и принял форму «антигегемонизма», отрицающего «право Запада выступать воплощением современной цивилизации» [Arkan, Kınacıoğlu, 2016: 397–398]. Еще в работах А. Давутоглу формулировалась идея, что исламская цивилизация способна противостоять универсализму западных ценностей, а Турция должна сыграть в этом процессе ключевую роль как страна, опирающаяся на наследие Османской империи и находящаяся в центре «цивилизационного пробуждения мира ислама» [Davutoğlu, 2001: 46]. Новая внешнеполитическая миссия Турции, таким образом, — перестать быть периферией Запада и выступить в роли центра более близкой ей исламской цивилизации.

Цивилизационная внешняя политика предполагала переориентацию на Балканы, Ближний и Средний Восток, а также на тюркские страны Южного Кавказа и Центральной Азии «ввиду их культурно-исторической близости Турции» и насущной необходимости «реставрации этого пространства как колыбели исламской цивилизации» [Arđıç, 2014: 106–107]. Для реализации цивилизационной внешней политики были переориентированы все основные институты публичной дипломатии, включая ТІКА, Diyanet и Институт имени Юнуса Эмре (Yunus Emre Enstitüsü), открывающий одноименные культурные центры по всему миру [Sevin, 2017].

В целом к середине 2010-х годов цивилизационный компонент внешнеполитического дискурса обрел гораздо более антагонистический характер: Турция позиционировалась страной, не просто сохраняющей ДНК исламского и османского цивилизационного и геополитического пространства, но и ведущей борьбу за освобождение от влияния Запада [Kaliber A., Kaliber E., 2019: 3–4].

Со времени общенациональных протестов лета 2013 г. Р. Эрдоган рефреном начал повторять тезис о враждебном окружении Турции, которая находится под натиском «новых крестоносцев»²⁶. Европей-

²⁵ OIC-EU Joint Forum on Civilization and Harmony. Available at: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-177155/> (accessed: 01.06.2021).

²⁶ Fahrettin Altun: Ne ölüm tehdidi ne başka bir şey Cumhurbaşkanımızı yolundan çevirir // Hürriyet. 17.03.2019. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/fahrettin->

ские политики и бюрократы, виновные в замораживании переговорного процесса о вступлении страны в ЕС, объявлялись врагами ислама за их критику социально-политического развития Турции («мы должны запомнить одно: мы — мусульмане, а они — враги ислама»)²⁷. Рост напряженности в отношениях с ЕС Р. Эрдоган объяснил открытым проявлением столкновения цивилизаций. Впредь Запад и взаимодействие с ним начали восприниматься исключительно в категориях «игры с нулевой суммой».

Запад стал частью бинарной оппозиции добра и зла: западная цивилизация противопоставлялась османскому цивилизационному наследию, западная культура — исламским ценностям. В своих публичных выступлениях Р. Эрдоган провозгласил османскую политику олицетворением принципов справедливости и религиозной терпимости, что позволило «османским султанам на протяжении 600 лет мирно управлять разными народами», в отличие от «западных колониалистов, которые устанавливали свое господство путем угнетения, зверств и жестокостей»²⁸. «Ислам — исключительно мирная религия, в исламском мире никогда не было расизма, как в США или Европе», — любил повторять во время своих публичных выступлений турецкий лидер²⁹.

Развивая тезис о Турции как наследнице не только Османской империи, но и государства Сельджукидов в Малой Азии, Р. Эрдоган

altun-ne-olum-tehdidi-ne-baska-bir-sey-cumhurbaskanimizi-yolundan-cevirir-41152330 (accessed: 01.06.2021).

²⁷ Erdoğan: O dangalağın manifestoyu yazması mümkün değil // Yeni Şafak. 18.03.2019. Available at: <https://www.yenisafak.com/gundem/erdogan-o-dangalagin-manifestoyu-yazmasi-mumkun-degil-3452048> (accessed: 01.06.2021); İslam düşmanlığı ile suçlanan AP Türkiye raportöründen Erdoğan'a cevap // TR EuroNews. 22.03.2019. Available at: <https://tr.euronews.com/2019/03/22/islam-dusmanligi-ile-suclanan-ap-turkiye-raportorunden-erdogan-a-cevap> (accessed: 01.06.2021).

²⁸ Erdoğan R.T. 3. Uluslararası Ombudsmanlık Sempozyumu'nda Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 16.09.2015. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/35475/3-uluslararasi-ombudsmanlik-sempozyumunda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021); Erdoğan R.T. İslam İşbirliği Teşkilatı Birinci Yargı Konferansında Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 14.12.2018. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/100110/islam-isbirligi-teskilati-birinci-yargi-konferansinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

²⁹ Erdoğan R.T. Uluslararası Kadın Ve Adalet Zirvesinde Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 24.11.2014. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/2959/uluslararasi-kadin-ve-adalet-zirvesinde-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

подчеркивал колоссальный масштаб потерь, которые Турция понесла после Первой мировой войны: «Турецкая Республика — не первое наше государство, не надо обманывать себя. Мы наследники глобальной державы, владения которой простирались на 22 млн кв. км <...> только накануне провозглашения республики у нас было более 3 млн кв. км, а сейчас у Турции лишь 780 тыс. кв. км»³⁰. С точки зрения Р. Эрдогана, статус хранителя османского наследия (*Osmanlı varisi*) не только наделил Турцию имперской идентичностью, но и возложил на нее ответственность за османское историческое пространство, поэтому Анкара не может «оставаться в стороне от проблем и чаяний исламского мира и османского [геополитического] пространства»³¹. Разъясняя мотивы внешнеполитической активности страны иностранным журналистам, Р. Эрдоган подчеркивал уникальный исторический опыт «сопряжения западной и восточной традиции»: «Географически мы располагались в сердце Азии, Европы и Африки <...> у нас глубокие и длительные культурные связи с обширным пространством, простирающимся от Судана до Индонезии, от Центральной Азии до Африки, от Дальнего Востока до Европы. На этих землях, которые всего пару столетий назад входили в состав Османской державы, сейчас 45 различных государств. На этих территориях проживают наши братья и сородичи — в разных европейских странах более 5,5 млн человек с турецкими корнями. Для нас невозможно оставаться равнодушными к тому, что происходит в Европе, Северной Африке, на Кавказе, в Центральной Азии или на Балканах»³².

³⁰ Erdoğan R.T. Türkiye'nin Yeni Güvenlik Konsepti Konferansında Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 22.11.2016. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/61114/turkiyenin-yeni-guvenlik-konsepti-konferansinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

³¹ Erdoğan R.T. Uluslararası Basın Kuruluşları Temsilcileri Toplantısında Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 20.06.2019. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/105755/uluslararasi-basin-kuruluslari-temsilcileri-toplantisinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

³² Erdoğan R.T. 9. Avrasya İslam Şûrası Açılışında Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 11.10.2016. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/53559/9-avrasya-islam-srasi-acilisinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021); Erdoğan R.T. Uluslararası Basın Kuruluşları Temsilcileri Toplantısında Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 20.06.2019. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/105755/uluslararasi-basin-kuruluslari-temsilcileri-toplantisinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

Определяя Османскую империю как «цивилизацию завоевания» (*fetih medeniyeti*), Р. Эрдоган подводил идейно-ценностный базис под наступательную политику Анкары в регионе Ближнего и Среднего Востока³³. Наступательный внешнеполитический популизм отчетливо проявился во время обострения борьбы за энергоресурсы Восточного Средиземноморья. Оказавшись перед лицом стремительно формирующейся «антитурецкой коалиции»³⁴, Р. Эрдоган пошел по пути политизации конфликта и представления его в категориях цивилизационного противостояния. Для того чтобы вызвать недвусмысленные реминисценции со временами Османской империи, когда Средиземное море было «османским озером», турецкие суда для поисково-разведочного бурения и сейсмических исследований были названы именами видных героев османского прошлого — султана Селима I Грозного, великого корсара и флотоводца Хайреддина Барбароссы, его брата Оруча Реиса и мореплавателя Кемаля Реиса. Именно с именами этих исторических деятелей XVI в. ассоциируются успехи османов в установлении своего господства в регионе. В 2017 г. турецкие СМИ облетела примечательная история, как командир судна «Хайреддин Барбаросса» в ответ на радиопредупреждение кипрских властей о нахождении в «эксклюзивной экономической зоне Республики Кипр» запустил по радию османский военный марш «Мехтер»³⁵. Логическим продолжением этого эпизода можно считать статью, вышедшую в 2019 г. на страницах печатного

³³ Erdoğan R.T. 'Malazgirt ruhunu yaşatmayı başaramazsak, geçmişimizle birlikte geleceğimizi de kaybederiz' // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 26.08.2018. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/96272/-malazgirt-ruhunu-yasatmayi-basaramazsak-gecmisimizle-birlikte-gelecegimizi-de-kaybederiz-> (accessed: 01.06.2021).

³⁴ В Средиземном море Турция фактически оказалась в ситуации международной изоляции, драйвером которой выступили три фактора. Во-первых, наращивание военно-политического сотрудничества между Израилем, Грецией, Кипром и Египтом. Хотя это сотрудничество и не приняло форму полноценного военного союза, но оно включало серию совместных учений и подписание двусторонних договоров о кооперации в сфере безопасности. Во-вторых, создание в 2019 г. Восточно-Средиземноморского газового форума, в число стран-учредителей которого Турция не была включена. В-третьих, подписание в 2020 г. Грецией, Кипром и Израилем соглашения о строительстве Восточно-Средиземноморского трубопровода для транспортировки газа с шельфовых месторождений напрямую в Европу через Кипр и Крит.

³⁵ Barbaros Hayrettin Paşa gemisinden Rumlara anlamlı yanıt! // Milliyet. 05.05.2017. Available at: <https://www.milliyet.com.tr/ekonomi/barbaros-hayrettin-pasa-gemisinden-rumlara-anlamlı-yanıt-2445069> (accessed: 01.06.2021).

органа ПСР газеты *Yeni Şafak*, с красноречивым заголовком «Хайреддин-паша Барбаросса возвращается спустя 473 года <...> настоящие хозяева Средиземного моря вновь здесь»³⁶. Аналогично Р. Эрдоган подчеркивал историческую миссию Турции в Ливии, где, по его словам, «проживает более миллиона тюрок-кёроглу, оставшихся здесь с османских времен <...> это потомки Барбароссы <...> и все они жертвы этнических чисток»³⁷.

Для Р. Эрдогана Турция наделена правом представлять мусульманский мир и возможностью говорить о насущных проблемах мусульман, поэтому нередко в его публичных выступлениях звучали призывы к объединению мусульман всего мира перед лицом общих проблем — ради борьбы с исламофобией Запада, решения палестинского вопроса, противостояния терроризму и т.д.: «Как мусульмане мы должны построить для себя новое будущее, объединившись вокруг истинной исламской традиции. Мы должны заложить основы возрождения исламского мира, преодолев раздирающие его конфликты <...> мы должны помнить, что должно поступать в соответствии с заповедями Аллаха “Милость в духовном единстве, муки — в разобщении”»³⁸.

Р. Эрдоган постоянно подчеркивал в своих речах, что Турция не может быть равнодушна к бедам мусульман разных стран и регионов мира, должна вставать на защиту своих единоверцев в Кашмире, Восточном Туркестане, Мьянме, Палестине. Особенно часто в 2010-е годы Р. Эрдоган выражал солидарность с палестинским народом, на-

³⁶ Karagül İ. Barbaros Hayrettin Paşa, 473 yıl sonra geri döndü // *Yeni Şafak*. 02.12.2019. Available at: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/ibrahim-karagul/-barbaros-hayrettin-pasa-473-yil-sonra-geri-dondu-sancagi-karargha-konuldu-akdenizin-sahiplerigeri-geldi-turkiye-libya-anlasmasi-deniz-haritasini-degistirdi-sevr-plni-ellerindepatladi-mavi-vatan-buyuk-ulke-turkiyenin-yuzolcumu-bildigimizden-cok-fazla-2053532> (accessed: 01.06.2021).

³⁷ Ay H. ‘Libya’da ne işimiz var’ diyenler siyaset ve tarih cahili // *Sabah*. 15.01.2020. Available at: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2020/01/15/libyada-ne-isimiz-var-diyenler-siyaset-ve-tarih-cahili> (accessed: 01.06.2021); Karataş İ. ‘Libya’da ne işimiz var’ diyenlerin işi ne? // *Yeni Akit*. 13.01.2020. Available at: <https://www.yeniakit.com.tr/yazarlar/ibrahim-karatas/libyada-ne-isimiz-var-diyenlerin-isi-ne-30977.html> (accessed: 01.06.2021).

³⁸ Erdoğan R.T. 9. Avrasya İslam Şûrası Açılışında Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 11.10.2016. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/53559/9-avrasya-islam-srasi-acilisinda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

зывая Израиль террористическим государством и регулярно обвиняя Запад в его поддержке³⁹.

Принятие на себя роли истинного защитника ислама позволило Р. Эрдогану успешно превращать напрямую не касающиеся Турции события мировой политики в часть внутривнутриполитической повестки. Так, громкий теракт в мечетях новозеландского города Крайстчерча весной 2019 г. не был связан с Турцией, среди погибших не числились турецкие граждане, и сама Турция в контексте трагических событий не упоминалась. Однако это не помешало Р. Эрдогану использовать сюжет новозеландского теракта не только для обвинений Запада в открытой войне против ислама, но и в качестве инструмента мобилизации сторонников. Выступая на праздновании годовщины Дарданелльской операции — единственного успешного для Турции эпизода Первой мировой войны, когда войска под командованием М. Кемалья (Ататюрка) смогли отразить объединенные силы Великобритании, Австралии и Новой Зеландии, Р. Эрдоган обрушился с критикой на «ведомый исламофобскими настроениями Запад»: «Мы уже тысячу лет на этих землях и останемся здесь до апокалипсиса. И дай бог вы никогда не сможете превратить Стамбул в Константинополь <...>. Ваши деды пришли сюда с войной и вернулись назад в гробах <...>. Будьте уверены, что и вас мы так же вернем, как и ваших дедов»⁴⁰.

В этом же ключе можно упомянуть и разразившийся осенью 2020 г. скандал с президентом Франции Эммануэлем Макроном, которому Р. Эрдоган посоветовал «пройти умственный контроль» и «психиатрическое обследование»⁴¹ в ответ на его заявления в за-

³⁹ Erdoğan R.T. İslam İşbirliği Teşkilatı Sosyal İşler Bakanları Zirvesi'nde Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 09.12.2019. <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/113857/islam-isbirligi-teskilati-sosyal-isler-bakanlari-zirvesi-nde-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

⁴⁰ Erdoğan R.T. 18 Mart Şehitleri Anma Günü ve Çanakkale Zaferinin 104. Yılı Töreninde Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 18.03.2019. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/102531/18-mart-sehitleri-anma-gunu-ve-canakkale-zaferinin-104-yili-torende-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

⁴¹ Başkan Erdoğan'dan Macron'a: Senin zihinsel tedaviye ihtiyacı var... // Sabah. 24.10.2020. Available at: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2020/10/24/son-dakika-haberi-baskan-erdogandan-macrona-senin-zihinsel-tedaviye-ihtiyacin-var> (accessed: 01.06.2021); Macron'un zihinsel tedaviye ihtiyacı var // Cumhuriyet. 25.10.2020. Available at: <https://www.milliyet.com.tr/siyaset/macronun-zihinsel-tedaviye-ihtiyaci-var-6338461> (accessed: 01.06.2021).

питу светского государства и обещания бороться с радикальным исламом после убийства французского учителя, показавшего классу карикатуры на пророка Мухаммеда. Вновь напрямую не касавшиеся Турции события Р. Эрдоган успешно конвертировал в часть внутриполитической повестки.

В популистской риторике турецкого лидера Запад превратился в олицетворение темных сил, цивилизацию, построенную на расизме, нацизме и фашизме, история которой пестрит примерами геноцида и этнических чисток⁴². На одном из саммитов религиозных лидеров Африки Р. Эрдоган открыто обвинил ООН в расизме: «Времена колониализма давно прошли, но этот взгляд белого человека на Африку, Азию, Латинскую Америку и Ближний Восток не изменился. Никуда не делось это беспредельное высокомерие западного человека, основанное на идее превосходства белой расы <...>. Вы лучше меня знаете, какая колониальная держава стояла за геноцидом в Руанде 1994 г. Западные страны вместе с ООН безучастно наблюдали, как за три месяца было уничтожено более 800 тыс. руандийцев»⁴³.

Критикуя «империалистические и колониальные подходы» Запада к Африке, Р. Эрдоган подчеркивал, что в основе политики Турции на Черном континенте лежат абсолютно противоположные принципы: «На Западе многие серьезно встревожены тем, какими темпами идет сближение Турции с африканскими странами. Для тех, кто десятилетиями выкачивал из Африки ресурсы, строил свое благосостояние на крови угнетенного африканского народа, невыносимо наблюдать за тем, как Турция выстраивает сотрудничество с Африкой на принципах равноправия и взаимного уважения. Они хотят, чтобы африканцы были зависимы, чтобы природные ресурсы Африканского континента служили обогащению западных корпора-

⁴² Erdoğan R.T. Budapeşte Süreci 6. Bakanlar Konferansı Konuk Bakan ve Heyet Başkanları Onuruna Akşam Yemeğinde Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 19.02.2019. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/102067/budapeste-sureci-6-bakanlar-konferansi-konuk-bakan-ve-heyet-baskanlari-onuruna-aksam-yemeginde-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021); Erdoğan R.T. 12. Uluslararası İslam Ekonomisi ve Finansı Konferansı'nda Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 14.06.2020. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/120425/12-uluslararasi-islam-ekonomisi-ve-finansi-konferansi-nda-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

⁴³ Erdoğan R.T. 3. Afrika Ülkeleri Dini Liderler Zirvesi'nde Yaptıkları Konuşma Yaptıkları Konuşma // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 19.10.2019. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/112208/3-afrika-ulkeleri-dini-liderler-zirvesi-nde-yaptiklari-konusma-yaptiklari-konusma> (accessed: 01.06.2021).

ций и правительств, а отнюдь не населения Африки. <...> Интересы западных энергетических компаний и экспортеров оружия стояли в основе большинства конфликтов в Африке <...>. Те, кто учит нас соблюдению прав человека и свободе слова, забывают, что на них несмываемое пятно колониальных преступлений, а их благосостояние построено на крови и насилии. <...> они провозгласили конец колониализма, но на самом деле колониализм жив, он лишь принял иное обличье и вооружился иными методами господства и подчинения»⁴⁴.

Цивилизационизм Р. Эрдогана результировал в стремление показать, насколько османская цивилизационная и имперская идентичность противоположна западной, не содержит в себе заряда расизма и колониализма и не строилась на насилии, в отличие от западной цивилизации: «В тысячелетней истории ислама нет примеров расизма и колониализма, оккупации чужих территорий и этнических чисток. Мусульманские страны не строили свое благосостояние на грабеже чужих ресурсов. Мы никогда не смотрели свысока на кого-либо по причине языка, цвета кожи или религии. В отличие от империалистов, Турция никогда не ставила в центр своей политики борьбу за золото, бриллианты или нефть»⁴⁵.

Западноцентричный миропорядок для Р. Эрдогана превратился не только в воплощение несправедливости, но и в первопричину многих глобальных проблем. «Мир больше пяти», – неустанно повторял турецкий лидер с 2013 г. (имелся в виду состав постоянных членов Совета Безопасности (СБ) ООН), развивая тезис о необходимости преодоления сложившейся в мире громадной несправедливости⁴⁶, которая заключается в том, что среди постоянных членов СБ ООН нет ни одной мусульманской страны и в связи с этим мусульманские страны и регионы лишены возможности в полной мере использовать площадку организации для решения насущных проблем. Полицентричный характер современного мира требует соответствующих структурных изменений СБ ООН, где должны быть представлены

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Erdoğan R.T. Our motto ‘the world is bigger than five’ is the biggest-ever rise against global injustice // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 10.01.2018. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/89052/our-motto-the-world-is-bigger-than-five-is-the-biggest-ever-rise-against-global-injustice> (accessed: 01.06.2021).

другие государства и континенты⁴⁷. В своей критике «западноцентричного миропорядка» Р. Эрдоган пришел к неожиданным выводам: «...если бы основу современного миропорядка формировали исламские ценности и принципы, мир избежал бы всех текущих глобальных кризисов»⁴⁸.

* * *

Глубокая укорененность популистской традиции в политической культуре Турции наделила ее идеологической гибкостью и превратила в почти универсальный инструмент работы с электоратом. Со времени перехода страны к конкурентной политической системе в той или иной степени популизм оказался присущ большинству игроков политического спектра, придерживающихся различных идеологий и платформ, от консерватизма и исламизма до национализма и либерализма. В межпартийной борьбе к популистской риторике прибегали и правоцентристские партии, и либерально-демократические, и религиозно-консервативные, и ультранационалистические.

Реждеп Эрдоган и создатели ПСР не стали зачинателями политического популизма в Турции, они лишь выступили прилежными учениками, сумев не только продолжить, но и развить успех в использовании популистской риторики. Применяя проверенные временем методы, стержневым элементом ПСР избрала простую вертикальную дихотомию добра и зла. В 2000-е годы на темной стороне оказались представители «старого», кемалистского политического истеблишмента, а на светлой — традиционалистски и религиозно настроенные массы простых турок, «настоящие сыны нации». Агрессивная антикемалистская риторика в 2000-е годы себя полностью оправдала, придясь по вкусу многим — исламистам, курдам, либералам. В следующее десятилетие, когда с кемалистами в целом было покончено, а военную элиту удалось лишить политической субъектности, режим Р. Эрдогана скорректировал направление негативной риторики. Теперь заклятыми врагами объявлялись любые

⁴⁷ Erdoğan R.T. The vision of new Turkey: The world is bigger than 5. Ankara: Cumhurbaşkanlığı Yayınları, 2017.

⁴⁸ Erdoğan R.T. Erdoğan: Medeniyet Konusunda Fikri Olmayan Taklide Teslim Olmak Zorundadır // T.C. Cumhurbaşkanlığı. 21.10.2017. Available at: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/85015/medeniyet-konusunda-fikri-olmayan-taklide-teslim-olmak-zorundadır.html> (accessed: 01.06.2021).

оппозиционно настроенные силы, которые стали преследоваться всеми доступными способами.

К середине 2010-х годов слишком широкая категория враждебной оппозиции конкретизировалась. После масштабных протестов лета 2013 г., в организации которых были обвинены враждебные внешние силы, популистский дискурс ПСР обрел новый объект для негативной риторики: место поверженных кемалистов заняли Запад и все, кто выступал проводниками «западного империализма». Все враждебные Турции силы и явления были объединены понятием-концепцией «закулисного злодея-кукловода», «враждебного сверхразума» (*üst akıl*), направленного на сдерживание Турции и нивелирование успехов ее социально-экономического и политического развития.

Содержательно популизм Р. Эрдогана за без малого два десятилетия существенно эволюционировал на фоне менявшейся внутренней и внешней конъюнктуры. В 2000-е годы в нем доминировали аморфные идеи консервативной демократии, в основе которых лежала модель европейских христианско-демократических партий. На рубеже 2000–2010-х годов несбывшиеся надежды на евроинтеграцию уступили место «цивилизационному экспансионизму», стержнем которой стали ислам и концепт исламской/османской цивилизации. Вторая половина 2010-х годов ознаменовала новый виток идеологической трансформации эрдогановского популизма, в котором на фоне устоявшегося набора религиозно-консервативных и цивилизационистских концептов всё рельефнее стали проступать черты ультранационализма. В итоге популистская бинарная оппозиция «мы — они» выкристаллизовалась в модель глобального противостояния Турции, защитницы интересов мусульман и поборницы справедливого миропорядка, демоническому Западу, олицетворению пороков мировой цивилизации, «глобальной политической элите», плетущей заговоры против Анкары для ее сдерживания, ослабления и уничтожения.

Анализ риторики Р. Эрдогана в корреляции с конкретными внешнеполитическими шагами позволяет выявить ряд важных моментов. Влияние популизма на внешнеполитический процесс в Турции четко прослеживается на нескольких уровнях — инструментальном, институциональном и дискурсивном. В инструментальном плане популистская внешняя политика Турции была монополизирована в руках Р. Эрдогана, который за последние 10 лет замкнул на себя весь внешнеполитический процесс от выработки внешнеполитической

стратегии до осуществления конкретных внешнеполитических шагов. В институциональном плане экспансия популизма в сферу внешней политики привела к ее «доместикации» и «национализации», а в дискурсивном выразилась в увлечении цивилизационизмом.

Растущая персонализация внутри- и внешнеполитического процессов в Турции позволила говорить о феномене «эрдоганизации турецкой политики» — становления в стране режима, в рамках которого «персональный авторитаризм» Р. Эрдогана укрепляется за счет сужения роли и влияния государственных институтов. При этом декларативное стремление занять более независимое и автономное положение в системе международных отношений вылилось в стратегию развития преимущественно двустороннего формата взаимодействия с различными государствами, в результате чего Турция, которая долгое время воспринималась последовательной сторонницей регионального сотрудничества и интеграции, стала во многих аспектах регионально изолированной страной.

Масштабная экспансия популизма во внешнюю политику стала одним из символов «Новой Турции» Р. Эрдогана и ознаменовала начало новой страницы в развитии популистской традиции. В республиканской Турции внешняя политика всегда была уделом профессионалов, считалось, что это важнейшая сфера национальных интересов, требующая взвешенности решений, точности формулировок и высокой ответственности. Кемалисты были убеждены в опасности превращения внешней политики в заложницу внутривнутриполитических коллизий, межпартийной борьбы или личных интересов. Сформированная еще на заре республиканской эры традиция определенной изолированности внешней политики от внутривнутриполитического контекста долгое время сохранялась и воспроизводилась. Попытки Н. Эрбакана в 1990-е годы превратить внешнюю политику в полигон реализации своих популистских инициатив не увенчались успехом и были купированы совместными усилиями военной и бюрократической элит, которые совершили «постмодернистский переворот» в 1997 г. и отстранили Н. Эрбакана от власти. Лишь Р. Эрдогану на рубеже 2000–2010-х годов удалось окончательно порвать с этой кемалистской традицией, превратив внешнеполитический популизм в инструмент консолидации власти и борьбы с оппонентами. На эмоциональном уровне это выразилось в форме негативной риторики по отношению к собственным дипломатам, которые были причислены к «коррумпированной элите», противостоящей «народу».

Внешнеполитический популизм утвердился в качестве неотъемлемой части политической стратегии Р. Эрдогана и его партии. Это обстоятельство, учитывая без малого два десятилетия пребывания Р. Эрдогана у власти, заставляет пересмотреть устоявшиеся ранее представления о популизме как стратегии маргиналов и аутсайдеров, полноценно не вписанных в политический ландшафт. Долгое время считалось, что популизм несовместим с пребыванием во власти, поскольку нельзя одновременно выступать с антиэлитистских позиций (ключевой элемент популизма) и быть частью истеблишмента [Taggart, 2004]. Как констатировали многочисленные исследования 2000–2010-х годов, популистские партии и политики, оказавшись у кормила власти, либо отказываются от популистской риторики и практики [Albertazzi, McDonnell, 2015; Капитонова и др., 2020], становясь частью политического мейнстрима, либо маргинализируются и всё равно теряют свой электорат («успех в оппозиции — провал во власти»), как гласил заголовок известной работы Рейнхарда Хейниша [Heinisch, 2003]).

Турция с этой точки зрения — случай неординарный вдвойне. Во-первых, здесь правящая ПСР, генетически связанная с традицией популистской политики, возглавив страну, не только не отказалась от популизма, но поместила внешнеполитический популизм в центр своей стратегии удержания власти. Во-вторых, опыт и пример Р. Эрдогана как успешного политика-популиста стали своего рода моделью «антидемократического популизма», которую взяли на вооружение Нарендра Моди в Индии и Биньямин Нетаньяху в Израиле. Слагаемые этой модели — манипулирование этнонациональными и этноконфессиональными конфликтами, дискредитация независимых СМИ как «врагов народа» и т.д. — оказались частью универсального рецепта электорального успеха в глубоко разделенных обществах.

Более того, на рубеже 2010–2020-х годов стало очевидно, что Р. Эрдоган, столкнувшись с проблемой снижающейся популярности из-за разрастания финансово-экономического кризиса и низкой эффективности правительства в решении насущных социально-политических проблем Турции, сделал внешнеполитический популизм стержневым элементом стратегии по консолидации электората. Растущий по экспоненте градус внешнеполитического популизма по самому широкому спектру вопросов (Сирия, Ливия, Кипр, Восточное Средиземноморье, карабахский конфликт, палестинская проблема) дал возможность не только изолировать себя от критики

за внутривластные неурядицы, но и объединить сторонников перед лицом «внешнего врага». Это позволило разорвать известную закономерность между состоянием экономики и электоральным поведением и пока что уйти от неизбежной ответственности правящей партии за похуждение кошелька своего избирателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайнштейн Г.И. Популизм в современной Европе: новые тенденции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 12. С. 24–33.
2. Данилов В.И. Политическая борьба в Турции. 50-е — начало 80-х годов XX в. М.: Наука, 1985.
3. Капитонова Н.К., Магадеев И.Э., Печатнов В.О. и др. Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности. М.: МГИМО-Университет, 2020.
4. Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // *Сравнительная политика*. 2017. Т. 8. № 1. С. 58–76. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.
5. Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // *Актуальные проблемы Европы*. 2020. № 1. С. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06.
6. Abts K., Rummens S. Populism versus democracy // *Political Studies*. 2007. Vol. 55. No. 2. P. 405–424.
7. Albertazzi D., McDonnell D. *Populists in power*. London: Routledge, 2015.
8. Ardiç N. Civilizational discourse, the ‘alliance of civilizations’ and Turkish foreign policy // *Insight Turkey*. 2014. Vol. 16. Iss. 3. P. 101–122.
9. Arkan Z., Kınacıoğlu M. Enabling ‘ambitious activism’: Davutoğlu’s vision of a new foreign policy identity for Turkey // *Turkish Studies*. 2016. Vol. 17. Iss. 3. P. 381–405. DOI: 10.1080/14683849.2016.1185943.
10. Ayata S. Patronage, party, and state: The politicization of Islam in Turkey // *The Middle East Journal*. 1996. Vol. 50. Iss. 1. P. 41–57.
11. Bettiza G. Civilizational analysis in international relations: Mapping the field and advancing a ‘civilizational politics’ line of research // *International Studies Review*. 2014. Vol. 16. Iss. 1. P. 1–28. DOI: 10.1111/misr.12100.
12. Boucher J.-C., Thies C.G. ‘I am a tariff man’: The power of populist foreign policy rhetoric under president Trump // *The Journal of Politics*. 2019. Vol. 81. Iss. 2. P. 712–722. DOI: 10.1086/702229.
13. Brubaker R. Between nationalism and civilizationism: The European populist moment in comparative perspective // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Vol. 40. Iss. 8. P. 1191–1226. DOI: 10.1080/01419870.2017.1294700.
14. Bulut A., Yıldırım M. *Political stability, democracy and agenda dynamics in Turkey*. New York: Palgrave Macmillan, 2020.

15. Canovan M. *Populism*. London: London Junction, 1981.
16. Chrysogelos A. *Old ghosts in new sheets: European populist parties and foreign policy*. Brussels: Centre for European Studies, 2011. Available at: https://www.martenscentre.eu/wp-content/uploads/2020/07/old_ghosts.pdf (accessed: 01.06.2021).
17. Çınar M. Turkey's 'Western' or 'Muslim' identity and the AKP's civilizational discourse // *Turkish Studies*. 2018. Vol. 19. Iss. 2. P. 176–197. DOI: 10.1080/14683849.2017.1411199.
18. Davutoğlu A. *Stratejik Derinlik*. İstanbul: Küre Yayınları, 2001.
19. Destradi S., Plagemann J. Populism and international relations: (Un) predictability, personalisation, and the reinforcement of existing trends in world politics // *Review of International Studies*. 2019. Vol. 45. Iss. 5. P. 711–730. DOI: 10.1017/S0260210519000184.
20. Eligür B. *The mobilization of political Islam in Turkey*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
21. Erdemir A., Edelman E. *Erdogan's hostage diplomacy. Western nationals in Turkish prisons*. Washington: Foundation for Defense of Democracies, 2018. Available at: https://www.fdd.org/wp-content/uploads/2020/02/REPORT_Erdogan_Hostages.pdf (accessed: 01.06.2021).
22. *Europe's troublemakers: The populist challenge to foreign policy*. Brussels: European Policy Center, 2016.
23. Flyvbjerg B. *Making social science matter*. London: Cambridge University Press, 2001.
24. Genc K. Erdogan's way. The rise and rule of Turkey's Islamist shapeshifter // *Foreign Affairs*. September/October 2019. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2019-08-12/erdogans-way> (accessed: 01.06.2021).
25. Heinisch R. Success in opposition — failure in government: Explaining the performance of right-wing populist parties in public office // *West European Politics*. 2003. Vol. 26. Iss. 3. P. 91–130.
26. Herkman J. Articulations of populism: The Nordic case // *Cultural Studies*. 2017. Vol. 31. Iss. 4. P. 470–488. DOI: 10.1080/09502386.2016.1232421.
27. Hintz L. 'Take it outside!' National identity contestation in the foreign policy arena // *European Journal of International Relations*. 2016. Vol. 22. Iss. 2. P. 335–361. DOI: 10.1177/1354066115588205.
28. Jagers J., Walgrave S. Populism as political communication style: An empirical study of political parties discourse in Belgium // *European Journal of Political Research*. 2007. No. 46. P. 319–345. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2006.00690.x.
29. Kalaycıoğlu E. Elections and party preferences in Turkey changes and continuities in the 1990s // *Comparative Political Studies*. 1994. Vol. 27. Iss. 3. P. 402–424. DOI: 10.1177/0010414094027003004.

30. Kalaycıoğlu E. Turkish democracy: Patronage versus governance // *Turkish Studies*. 2001. Vol. 2. Iss. 1. P. 54–70. DOI: 10.1080/14683849.2001.11009173.
31. Kaliber A., Kaliber E. From de-Europeanisation to anti-Western populism: Turkish foreign policy in flux // *The International Spectator. Italian Journal of International Affairs*. 2019. Vol. 54. Iss. 4. P. 1–16. DOI: 10.1080/03932729.2019.1668640.
32. Kaltwasser C.R., Taggart P., Espejo P.O., Ostiguy P. *The Oxford handbook of populism*. London: Oxford University Press, 2017.
33. Karaosmanoğlu K. The discourse of üst akıl: A search for hegemony in the Turkish media // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2021. Vol. 21. Iss. 1. P. 77–99. DOI: 10.1080/14683857.2021.1872233.
34. Kaya A., Robert M.-V., Tecmen A. Populism in Turkey and France: Nativism, multiculturalism and Euroskepticism // *Turkish Studies*. 2020. Vol. 21. Iss. 3. P. 361–391. DOI: 10.1080/14683849.2019.1637260.
35. Kösebalaban H. *Turkish foreign policy: Islam, nationalism, and globalization*. London: Palgrave Macmillan, 2011.
36. Liang C.S. *Europe for the Europeans: The foreign and security policy of the populist radical right*. New York: Routledge, 2007.
37. Mardin Ş. Center periphery relations: A key to Turkish politics? // *Deadalus*. 1973. Vol. 2. Iss. 1. P. 169–190.
38. Meny Y., Surel Y. *Democracies and the populist challenge*. London: Palgrave Macmillan, 2002.
39. Mudde C. Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39. Iss. 4. P. 541–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
40. Norris P., Inglehart R. *Cultural backlash: Trump, Brexit, and authoritarian populism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
41. Pappas T.S. *Populism and liberal democracy*. London: Oxford University Press, 2019.
42. Selçuk O., Hekimci D., Erpul O. The Erdoğanization of Turkish politics and the role of the opposition // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2019. Vol. 19. Iss. 4. P. 541–564. DOI: 10.1080/14683857.2019.1689902.
43. Sevin E. *Public diplomacy and the implementation of foreign policy in the US, Sweden and Turkey*. London: Palgrave Macmillan, 2017.
44. Shlykov P. The ‘Turkish model’ in historical perspective // *Russia in Global Affairs*. 2018. Vol. 16. Iss. 2. P. 34–59.
45. Sözen Y. Populist peril to democracy: The sacralization and singularization of competitive elections // *Political Studies Review*. 2019. Vol. 17. Iss. 3. P. 267–283. DOI: 10.1177/1478929918814613.
46. Taggart P. *Populism*. London: Open University Press, 2000.
47. Taggart P. Populism and representative politics in contemporary Europe // *Journal of Political Ideologies*. 2004. Vol. 9. Iss. 3. P. 269–288. DOI: 10.1080/1356931042000263528.

48. Taguieff P.-A. Political science confronts populism: From a conceptual mirage to a real problem // *Telos*. 1995. No. 103. P. 9–43.

49. Taş H. The chronopolitics of national populism // *Identities. Global Studies in Culture and Power* — online. 2020. Available at: <https://doi.org/10.1080/1070289X.2020.1735160> (accessed: 01.06.2021).

50. Taş H. Turkey — from tutelary to delegative democracy // *Third World Quarterly*. 2015. Vol. 36. Iss. 4. P. 776–791. DOI: 10.1080/01436597.2015.1024450.

51. Turan M. Türkiye'nin Yeni Yönetim Düzeni: Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sistemi // *Sosyal Bilimler Araştırma Dergisi*. 2018. Cilt 7. No. 3. S. 42–91. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ssrj/issue/38851/448700> (accessed: 01.06.2021).

52. Verbeek B., Zaslove A. The impact of populist radical right parties on foreign policy: The Northern League as a junior coalition partner in the Berlusconi governments // *European Political Science Review*. 2015. Vol. 7. Iss. 4. P. 525–546. DOI: 10.1017/S1755773914000319.

53. Weyland K. Populism's threat to democracy: Comparative lessons for the United States // *Perspectives on Politics*. 2020. Vol. 18. Iss. 2. P. 389–406. DOI: 10.1017/S1537592719003955.

54. Woertz E., Soler i Lecha E. Populism and Euro-Mediterranean cooperation: The Barcelona process 25 years after // *Mediterranean Politics* — online. 05.08.2020. Available at: <https://doi.org/10.1080/13629395.2020.1799165> (accessed: 01.06.2021).

55. Yabancı B., Taleski D. Co-opting religion: How ruling populists in Turkey and Macedonia sacralise the majority // *Religion, State & Society*. 2018. Vol. 46. No. 3. P. 283–304. DOI: 10.1080/09637494.2017.1411088.

56. Yalçın H.B. The concept of 'middle power' and the recent Turkish foreign policy activism // *Afro Eurasian Studies*. 2012. Vol. 1. Iss. 1. P. 195–216.

57. Yılmaz Z. Erdoğan's presidential regime and strategic legalism: Turkish democracy in the twilight zone // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2020. Vol. 20. Iss. 2. P. 265–287. DOI: 10.1080/14683857.2020.1745418.

REFERENCES

1. Vainshtein G.I. 2013. Популизм в современной Европе: новые тенденции [Populism in contemporary Europe: New trends]. *World Economy and International Relations*, no. 12, pp. 24–33. (In Russ.)

2. Danilov V.I. 1985. *Politicheskaya bor'ba v Turtsii. 50-e — nachalo 80-h godov XX v.* [Political struggle in Turkey in the 1950s — 1980s]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

3. Kapitonova N.K., Magadeev I.E., Pechatnov V.O. et al. 2020. *Pravyi populizm: global'nyi trend i regional'nye osobennosti* [Right populism: Global trend and regional features]. Moscow, MGIMO-University Publ. (In Russ.)

4. Shlykov P.V. 2017. Evraziistvo i evraziiskaya integratsiya v politicheskoi ideologii i praktike Turtsii [Eurasianism and Eurasian integration in the political ideologies and practice in Turkey]. *Sravnitel'naya politika*, vol. 8, iss. 1, pp. 58–77. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76. (In Russ.)

5. Shlykov P.V. 2020. Mezhdu SShA, Evropoi i Evraziei: transformatsiya vneshnepoliticheskikh prioritetov Turtsii [Between the US, the EU and Eurasia: Transformation of foreign policy priorities of Turkey]. *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 1, pp. 110–135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06. (In Russ.)

6. Abts K., Rummens S. 2007. Populism versus democracy. *Political Studies*, vol. 55, no. 2, pp. 405–424.

7. Albertazzi D., McDonnell D. 2015. *Populists in power*. London, Routledge.

8. Ardıç N. 2014. Civilizational discourse, the 'alliance of civilizations' and Turkish foreign policy. *Insight Turkey*, vol. 16, iss. 3, pp. 101–122.

9. Arkan Z., Kınacıoğlu M. 2016. Enabling 'ambitious activism': Davutoğlu's vision of a new foreign policy identity for Turkey. *Turkish Studies*, vol. 17, iss. 3, pp. 381–405. DOI: 10.1080/14683849.2016.1185943.

10. Ayata S. 1996. Patronage, party, and state: The politicization of Islam in Turkey. *The Middle East Journal*, vol. 50, iss. 1, pp. 41–57.

11. Bettiza G. 2014. Civilizational analysis in international relations: Mapping the field and advancing a 'civilizational politics' line of research. *International Studies Review*, vol. 16, iss. 1, pp. 1–28. DOI: 10.1111/misr.12100.

12. Boucher J-C., Thies C.G. 2019. 'I am a tariff man': The power of populist foreign policy rhetoric under president Trump. *The Journal of Politics*, vol. 81, iss. 2, pp. 712–722. DOI: 10.1086/702229.

13. Brubaker R. 2017. Between nationalism and civilizationism: The European populist moment in comparative perspective. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 40, iss. 8, pp. 1191–1226.

14. Bulut A., Yıldırım M. 2020. *Political stability, democracy and agenda dynamics in Turkey*. New York, Palgrave Macmillan.

15. Canovan M. 1981. *Populism*. London, London Junction.

16. Chrysosgelos A. 2011. *Old ghosts in new sheets: European populist parties and foreign policy*. Brussels, Centre for European Studies. Available at: https://www.martenscentre.eu/wp-content/uploads/2020/07/old_ghosts.pdf (accessed: 01.06.2021).

17. Çınar M. 2019. Turkey's 'Western' or 'Muslim' identity and the AKP's civilizational discourse. *Turkish Studies*, vol. 19, iss. 2, pp. 176–197. DOI: 10.1080/14683849.2017.1411199.

18. Davutoğlu A. 2001. *Stratejik Derinlik* [Strategic depth]. İstanbul, Küre Yayınları. (In Turk.)

19. Destradi S., Plagemann J. 2019. Populism and international relations: (Un)predictability, personalisation, and the reinforcement of existing trends in world politics. *Review of International Studies*, vol. 45, iss. 5, pp. 711–730. DOI: 10.1017/S0260210519000184.

20. Eligür B. 2010. *The mobilization of political Islam in Turkey*. Cambridge, Cambridge University Press.

21. Erdemir A., Edelman E. 2018. *Erdogan's hostage diplomacy. Western nationals in Turkish prisons*. Washington, D.C.: Foundation for Defense of Democracies. Available at: https://www.fdd.org/wp-content/uploads/2020/02/REPORT_Erdogan_Hostages.pdf (accessed: 01.06.2021).

22. *Europe's troublemakers: The populist challenge to foreign policy*. 2016. Brussels, European Policy Center.

23. Flyvbjerg B. 2001. *Making social science matter*. London, Cambridge University Press.

24. Genc K. 2019. Erdogan's way. The rise and rule of Turkey's Islamist shapeshifter. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2019-08-12/erdogans-way> (accessed: 01.06.2021).

25. Heinisch R. 2003. Success in opposition — failure in government: Explaining the performance of right-wing populist parties in public office. *West European Politics*, vol. 26, iss. 3, pp. 91–130.

26. Herkman J. 2017. Articulations of populism: The Nordic case. *Cultural Studies*, vol. 31, iss. 4, pp. 470–488. DOI: 10.1080/09502386.2016.1232421.

27. Hintz L. 2016. 'Take it outside!' National identity contestation in the foreign policy arena. *European Journal of International Relations*, vol. 22, iss. 2, pp. 335–361. DOI: 10.1177/1354066115588205.

28. Jagers J., Walgrave S. 2007. Populism as political communication style: An empirical study of political parties discourse in Belgium. *European Journal of Political Research*, no. 46, pp. 319–345. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2006.00690.x.

29. Kalaycıoğlu E. 1994. Elections and party preferences in Turkey changes and continuities in the 1990s. *Comparative Political Studies*, vol. 27, iss. 3, pp. 402–424. DOI: 10.1177/0010414094027003004.

30. Kalaycıoğlu E. 2001. Turkish democracy: Patronage versus governance. *Turkish Studies*, vol. 2, iss. 1, pp. 54–70. DOI: 10.1080/14683849.2001.11009173.

31. Kaliber A., Kaliber E. 2019. From de-Europeanisation to anti-Western populism: Turkish foreign policy in flux. *The International Spectator. Italian Journal of International Affairs*, vol. 54, iss. 4, pp. 1–16. DOI: 10.1080/03932729.2019.1668640.

32. Kaltwasser C.R., Taggart P., Espejo P.O., Ostiguy P. 2017. *The Oxford handbook of populism*. London, Oxford University Press.

33. Karaosmanoğlu K. 2021. The discourse of üst akıl: A search for hegemony in the Turkish media. *Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 21, iss. 1, pp. 77–99. DOI: 10.1080/14683857.2021.1872233.

34. Kaya A., Robert M-V., Tecmen A. 2020. Populism in Turkey and France: Nativism, multiculturalism and Euroskepticism. *Turkish Studies*, vol. 21, iss. 3, pp. 361–391. DOI: 10.1080/14683849.2019.1637260.

35. Kösebalaban H. 2011. *Turkish foreign policy: Islam, nationalism, and globalization*. London, Palgrave Macmillan.

36. Liang C.S. 2007. *Europe for the Europeans: The foreign and security policy of the populist radical right*. New York, Routledge.
37. Mardin Ş. 1973. Center periphery relations: A key to Turkish politics? *Deadalus*, vol. 2, iss. 1, pp. 169–190.
38. Meny Y., Surel Y. 2002. *Democracies and the populist challenge*. London, Palgrave Macmillan.
39. Mudde C. 2004. Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*, vol. 39, iss. 4, pp. 541–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
40. Norris P., Inglehart R. 2018. *Cultural backlash: Trump, Brexit, and authoritarian populism*. Cambridge, Cambridge University Press.
41. Pappas T.S. 2019. *Populism and liberal democracy*. London, Oxford University Press.
42. Selçuk O., Hekimci D., Erpul O. 2019. The Erdoğanization of Turkish politics and the role of the opposition. *Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 19, iss. 4, pp. 541–564. DOI: 10.1080/14683857.2019.1689902.
43. Sevin E. 2017. *Public diplomacy and the implementation of foreign policy in the US, Sweden and Turkey*. London, Palgrave Macmillan.
44. Shlykov P. 2018. The ‘Turkish model’ in historical perspective. *Russia in Global Affairs*, vol. 16, iss. 2, pp. 34–59.
45. Sözen Y. 2019. Populist peril to democracy: The sacralization and singularization of competitive elections. *Political Studies Review*, vol. 17, iss. 3, pp. 267–283. DOI: 10.1177/1478929918814613.
46. Taggart P. 2000. *Populism*. London, Open University Press.
47. Taggart P. 2004. Populism and representative politics in contemporary Europe. *Journal of Political Ideologies*, vol. 9, iss. 3, pp. 269–288. DOI: 10.1080/1356931042000263528.
48. Taguieff P.-A. 1995. Political science confronts populism: From a conceptual mirage to a real problem. *Telos*, no. 103, pp. 9–43.
49. Taş H. 2020. The chronopolitics of national populism. *Identities. Global Studies in Culture and Power*. Available at: <https://doi.org/10.1080/1070289X.2020.1735160> (accessed: 01.06.2021).
50. Taş H. 2015. Turkey — from tutelary to delegative democracy. *Third World Quarterly*, vol. 36, iss. 4, pp. 776–791. DOI: 10.1080/01436597.2015.1024450.
51. Turan M. 2018. Türkiye'nin Yeni Yönetim Düzeni: Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sistemi [The new administrative order of Turkey: Presidential system]. *Sosyal Bilimler Araştırma Dergisi*, vol. 7, no. 3, pp. 42–91. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/ssrj/issue/38851/448700> (accessed: 01.06.2021).
52. Verbeek B., Zaslove A. 2015. The impact of populist radical right parties on foreign policy: The Northern League as a junior coalition partner in the Berlusconi governments. *European Political Science Review*, vol. 7, iss. 4, pp. 525–546. DOI: 10.1017/S1755773914000319.

53. Weyland K. 2020. Populism's threat to democracy: Comparative lessons for the United States. *Perspectives on Politics*, vol. 18, iss. 2, pp. 389–406. DOI: 10.1017/S1537592719003955.

54. Woertz E., Soler i Lecha E. 2020. Populism and Euro-Mediterranean cooperation: The Barcelona process 25 years after. *Mediterranean Politics — online*. Available at: <https://doi.org/10.1080/13629395.2020.1799165> (accessed: 01.06.2021).

55. Yabancı B., Taleski D. 2018. Co-opting religion: How ruling populists in Turkey and Macedonia sacralise the majority. *Religion, State & Society*, vol. 46, no. 3, pp. 283–304. DOI: 10.1080/09637494.2017.1411088.

56. Yalçın H.B. 2012. The concept of 'middle power' and the recent Turkish foreign policy activism. *Afro Eurasian Studies*, vol. 1, iss. 1, pp. 195–216.

57. Yılmaz Z. 2020. Erdoğan's presidential regime and strategic legalism: Turkish democracy in the twilight zone. *Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 20, iss. 2, pp. 265–287. DOI: 10.1080/14683857.2020.1745418.